ФИЛОСОФИЯ

учебное
пособие
для вузов

Л. А. КУЛИКОВ

ПОНЯТИЕ ДЕТЕРМИНИЗМА В МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Л. А. КУЛИКОВ

ПОНЯТИЕ ДЕТЕРМИНИЗМА В МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Рекомендовано Отделом преподавания общественных наук Министерства высшего и среднего специального образования СССР в качестве учебного пособия для студентов вузов

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЫСШАЯ ШКОЛА»
МОСКВА—1973

1М
К-90

Куликов Л. А.

К-90 Понятие детерминизма в марксистко-ленинской философии. Учебное пособие. М., «Высшая школа», 1973.

В пособии раскрывается содержание детерминизма, его виды и различные формы проявления в природе и обществе, показывается место детерминизма среди категорий материалистической диалектики и его значение для познания и практической деятельности, подвергаются критике современные буржуазные концепции индетерминизма и вытекающие из них фаталистическое и волюнтаристское отношения к миру.

Предназначено для студентов высших учебных заведений.

1М

Рецензенты:
1. Кафедра философии МАДИ.
2. Доктор философских наук А. М. Коршунов.

К $\frac{\text{0152-149}}{\text{001 (01)-73}}$ 15-73

В послевоенные годы предметом острой борьбы между марксизмом и буржуазной идеологией стала проблема детерминизма в природе и в обществе. Множество статей, прямо или косвенно затрагивающих эту проблему, специальные исследования и монографии, посвященные теме детерминизма в различных областях науки, свидетельствуют не просто о повышенном к ней интересе, а и об актуальности самой проблемы, которая буквально вторглась и в практику научного познания, и в практику грандиозных социальных преобразований, совершающихся на мировой арене.

Подлинно научное, диалектико-материалистическое решение проблема детерминизма получила в трудах классиков марксизма-ленинизма, которые разработали ее, опираясь на достижения естественных и общественных наук, на опыт революционных движений и практику классовой борьбы своего времени.

Развитие современного естествознания и сама действительность, практика строительства социализма и коммунизма и общественно-революционные движения нашей эпохи поставили перед философией марксизма ряд новых проблем и в частности выдвинули задачу дальнейшей разработки философского понятия детерминизма. В нашей философской литературе эта проблема продолжает живо обсуждаться, сложился научный взгляд, противостоящий различным поспешным решениям.

В предлагаемой работе автор попытался в систематической форме изложить философское понятие детерминизма, определить его место среди категорий марксистской философии и его значение для науки и практики.

Актуальность проблемы детерминизма обусловлена потребностями борьбы со все более тонкими идеалистическими спекуляциями на достижениях науки. Еще сравнительно недавно успехи естествознания в области исследования структурных уровней материи были ис-

пользованы сторонниками идеалистического учения об «эмерджентной эволюции» для доказательства наличия в природе особого неуловимого жизненного порыва, стремления к целостности, тотальности, которое определяет переходы материи от одного уровня организации к другому. Хорошо известны также усилия реакционной буржуазной философии использовать трудности научного истолкования явлений микромира для компрометации самого учения о детерминизме и для обоснования наличия «свободной воли» у электрона.

Известный английский ученый Артур Эддингтон полагал, что открытие квантовой теории окончательно похоронило понятие детерминизма. «Детерминизм полностью исчез из формулировок физиков-теоретиков и очень сомнительно, чтобы о нем когда-нибудь вспомнили снова» [1].

В социологии та же картина. Буржуазные социологи сотни и тысячи раз безуспешно атаковали и снова атакуют марксистское учение об историческом детерминизме, приписывая ему все грехи фатализма и провиденциализма. Изгнание детерминизма из истории общества для большинства буржуазных социологов является главным условием апологии капитализма. Будучи волюнтаристами до мозга костей, они в то же время лицемерно вещают о своей враждебности волюнтаризму, переадресовывая марксизму-ленинизму и этот порок буржуазной социологии. Все более утонченная фальсификация марксистской социологии предпринимается из лагеря ревизионизма, теоретики которого пытаются эклектически соединить принцип исторического детерминизма с фатализмом и волюнтаризмом.

В последние годы проблема детерминизма приобрела еще один неожиданный аспект. Известно, что в настоящее время развитие естественных и общественных наук характеризуется возрастанием роли системно-структурного анализа в исследовании самых разнообразных явлений и процессов объективного мира. Наука повсюду находит свойственные явлениям внутренние структуры и упорядоченные взаимодействия элементов, открывает и исследует самоорганизующиеся и самоуправляющиеся системы. Все это свидетельствует об

[1] Цит. по кн.: Ed. D'Angelo. The problem of Freedom and Determinism. Univ. of Missouri, 1968, p. 3.

углублении наших представлений о закономерности протекающих в мире процессов, о диалектическом характере материалистического детерминизма. Однако нередко приходится слышать рассуждения о том, что открываемые наукой новые системно-структурные связи и отношения имеют «телеологический» характер и необъяснимы с позиций «традиционного» детерминизма. Раздаются голоса о необходимости дополнения понятия детерминизма понятием «телеологической» детерминации и даже об отказе от детерминистской точки зрения вообще, как пережитке механицизма. Объективно такая позиция означает в конечном счете капитуляцию перед идеализмом.

Вот почему защита и дальнейшая разработка принципа детерминизма является чрезвычайно важной задачей марксистско-ленинской философии в современных условиях.

ПРИЧИННОСТЬ КАК ЧАСТИЧКА, ЭЛЕМЕНТАРНАЯ ЯЧЕЙКА ДЕТЕРМИНИЗМА

Определение детерминизма. Детерминизм является одним из наиболее общих понятий философии, которое стоит в ряду с такими понятиями, как материя, пространство, время, движение, структурность, причинность и др. Понятие детерминизма в марксистско-ленинской философии служит для обозначения всеобщей материальной причинной связи, универсальной обусловленности и закономерности развития всех явлений природы и общества.

В мире нет явлений индетерминированных, т. е. выпадающих из универсального детерминизма. Каждое явление материального мира так или иначе связано с другими явлениями, взаимодействует с ними, определяется ими и само в свою очередь детерминирует окружающие его явления. Картина бесконечного сплетения связей и взаимодействий — первое, что предстает перед нашим мысленным взором, когда мы приступаем к изучению объективного мира, указывал Ф. Энгельс [1]. «Всякое отдельное тысячами переходов связано с другого **рода** отдельными (вещами, явлениями, процессами) и т. д.». «... Отношения каждой вещи (явления etc.) не только многоразличны, но всеобщи, универсальны. Каждая вещь (явление, процесс etc.) связаны с *каждой*»,— писал В. И. Ленин [2].

Отдельные явления, взаимодействуя между собой, образуют системы и становятся их элементами, а системы в свою очередь объединяются в более широкие и общие системы, для которых составившие их более узкие системы оказываются подсистемами, находящимися во взаимодействии между собой и с единой общей систе-

[1] См. К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., 2 изд., т. 20, стр 20
[2] В И Ленин. Полн. собр. соч., т 29, стр. 318, 203.

мой. Существует бесконечная цепь связей и взаимодействий, в которую так или иначе включено каждое отдельное явление. Материальный мир в своих разнокачественных проявлениях образует единую бесконечно сложную систему взаимодействующих явлений и характеризуется единством протекающих в нем процессов.

Марксистско-ленинская философия впервые в истории философии раскрыла системный характер связей и взаимодействий материального мира, исследовала единые и общие законы его развития, обосновала принцип всеобщего детерминизма явлений и показала его значение для науки и практики.

Детерминизм есть прежде всего учение о причинной зависимости явлений и предметов. Однако детерминизм и каузальность не синонимы. В марксистско-ленинской философии детерминизм выступает как более широкое учение о взаимной обусловленности явлений, согласно которому все явления и вещи чем-то обусловлены и определены, а формы и способы этой обусловленности весьма разнообразны, то есть не исчерпываются причинной зависимостью, которая представляет собой лишь малую частицу, элементарную ячейку в системе материального детерминизма [1]. Ф. Энгельс отмечал, что только в отдельном обособленном процессе причина и следствие имеют строго определенные позиции и обнаруживают отличительные черты. В общей же связи явлений они постоянно меняются местами, взаимно переходят друг в друга, сходятся в универсальном взаимодействии, в которое необходимо входит самодетерминация явлений [2].

При учете этих моментов становится очевидной несостоятельность концепций метафизических материалистов о бесконечном ряде причинности, о необъятной и непрерывной цепи причин и следствий [3].

Понятие причинности. Причинная связь имеет место там, где одно явление предшествует другому явлению во времени и при наличии соответствующих условий с необходимостью порождает это другое явление. Временно́е следование явлений есть важнейшая характерная черта причинной зависимости явлений. Причина

[1] См.: Б. М. Кедров. О детерминизме. «Философские науки», 1968, № 1, стр. 42.

[2] См: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр 22.

[3] См.: Гольбах. Избр. произв. т. 1. М., 1963, стр. 66.

не может не предшествовать следствию, а следствие не может появиться раньше того, как начала действовать причина. Однако причинная связь тем качественно отличается от простой (случайной или закономерной, однократной или регулярной) последовательности явлений во времени, что последующее явление не просто следует за предыдущим явлением, а получает от него свое бытие. Причина обязательно должна порождать следствие, иначе она не является причиной.

Причина есть воплощение активности и динамизма, «все... действующие в природе причины... являются особыми формами, способами существования одной и той же энергии, т. е. движения»,— писал Ф. Энгельс [1]. Причинность есть реальный способ существования материальной субстанции, причинность — это субстанция в действии, отмечает В. И. Ленин [2]. Категория причинности выражает по существу дела самоактивность материи, способность материальных вещей и явлений производить другие вещи и явления. Причина есть то активное начало, которое производит данную вещь или явление, и это активное начало негде искать, кроме как в самой материальной субстанции. Причинность — это форма самодвижения материи, проявляющаяся в самодвижении отдельных тел, «это не внешний переход причинности от одного субстрата на некоторый другой, но это их становление другими есть вместе с тем их собственное полагание. Причинность, следовательно, предполагает или обусловливает сама себя»,— пишет Гегель [3].

Об отдельных формах и способах причинения будет сказано ниже. Здесь речь идет о причинности как таковой, безотносительно к тому, какая связь опосредствуется причинностью — случайная или необходимая, существенная или несущественная, главная или второстепенная. В зависимости от того места, которое занимает причинно-следственное отношение в системе универсальной связи явлений, оно может получать весьма различные определения. Однако причинная связь сохраняет свою специфику, содержит такие черты, которые выделяют ее из других форм взаимозависимости явлений.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 511.
[2] См.: В. И. Ленин. Полн собр. соч., т. 29, стр. 142.
[3] Цит. по кн.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 144.

Кроме указанных выше признаков причинности, а именно последовательности во времени и порождения следствия причиной, следует отметить, что отношение между причиной и следствием всегда носит необходимый характер. Это значит, что при постоянных условиях одна и та же причина неизбежно порождает одни и те же следствия.

При постоянных условиях причинная связь обладает устойчивостью и может отвечать требованиям закономерной связи. Однако с изменением условий данная причинная связь утрачивает характер необходимости и становится чем-то случайным.

В мире отсутствует абсолютное постоянство факторов, идеальное тождество условий. В реальной действительности взаимодействуют не математические точки и силы, а материальные системы с изменяющимися структурами и взаимными отношениями. Поэтому естественно, что в отношения причины и следствия всегда вторгается неизбежный элемент случайности. Современная наука и марксистская философия отвергают метафизический принцип абсолютной эквивалентности причины и следствия, равно как и идеалистический вывод о постоянном рождении в мире нового из ничего.

Всякое причинение является переносом материи и движения от одного явления к другому, от причины к следствию. В этом отношении причинность вполне укладывается в рамки законов сохранения. Причинение не есть порождение из ничего, однако оно есть яркое выражение неистребимой способности материальных систем и материи в целом к самодвижению и к порождению нового.

Существование и действие законов сохранения не влечет вывода, будто следствие всегда должно быть равно причине. Более того, следствие неизбежно содержит нечто новое сравнительно с породившей его причиной. Так, продукт труда всегда отличается от самого труда и средств, послуживших для его производства.

Следствие не пассивный результат действия причины. Уже в процессе своего возникновения следствие начинает оказывать обратное воздействие на порождающую его причину и изменяет ее определенным образом. Такого рода обратное воздействие следствия на причину может выражаться в стабилизации, в постоянстве

следствия, что создает возможность для возникновения так называемых самоорганизующихся систем.

Действие какой-либо причины, влияние какого-либо фактора может существенно изменяться или даже приостанавливаться не только благодаря изменившимся условиям, но и благодаря относительно самостоятельному движению следствия, которое, превратившись в причину, придает процессу определенную направленность и создает видимость целесообразного движения.

Идеалист Гегель приходил к заключению, что причинное рассмотрение явлений органической жизни недостаточно. что его необходимо дополнить понятием имманентной телеологии [1]. Однако в действительности за телеологической формой связи скрывается причинная связь явлений, а то, что движет систему в определенном направлении и к определенному состоянию, не есть какая-то вымышленная мистическая «цель», а вполне реальное взаимодействие, содержащее в себе причинную зависимость явлений.

Познание причинно-следственных связей между явлениями есть первая и важнейшая задача науки, но путь к ее разрешению сложен. Глубоко и правильно отразить каузальность можно только в совокупности с другими видами детерминизма. Познание, как указывает В. И. Ленин, идет «от сосуществования к каузальности и от одной формы связи и взаимозависимости к другой, более глубокой, более общей»[2].

Познание причинности требует познания и ее носителя, т. е. познания материи как субстанции всех изменений, а это требует проникновения за внешность явлений в их сущность. В. И. Ленин писал: «С одной стороны, надо углубить познание материи до познания (до понятия) субстанции, чтобы найти причины явлений. С другой стороны, действительное познание причины есть углубление познания от внешности явлений к субстанции»[3].

Почему действительное познание причин предполагает познание субстанции? Да потому, что в противном случае причинность будет рассматриваться как что-то внешнее, привнесенное извне и не свойственное самому материальному миру. Механический детерминизм впа-

[1] См.: Гегель Соч., М., 1937, т. VI, стр. 166.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т 29, стр. 203.
[3] Там же, стр. 142—143.

дал в иллюзию первотолчка потому, что он не знал, не имел правильного понятия о действительной субстанции всех изменений в мире.

Важнейшей характеристикой материальной субстанции является то, что она есть причина самой себя. Любое явление можно представить как результат какого-то другого явления, и только материя, как субстанция всех изменений, не имеет причины во вне и не нуждается ни в какой внешней силе для своего существования и развития.

Идеалистическая философия понимает под субстанцией нечто отличное от материи, от природы, некую сущность, оторванную от существования. Метафизический материализм наделял субстанцию абсолютными и неизменными свойствами. Согласно Спинозе бесконечная и абсолютная субстанция имеет два атрибута — протяженность и мышление. Его субстанция еще неподвижна, бездеятельна, как нечто неизменяемое в изменяющихся явлениях.

В отличие от Спинозы у Лейбница к понятию «субстанция» прибавляется понятие силы и притом деятельной силы, принцип самодеятельности. Лейбниц через теологию подходил к принципу неразрывной, универсальной, абсолютной связи материи и движения. Телесная субстанция для Лейбница уже не только протяженная, мертвая, извне приводимая в движение масса, как у Декарта, а в качестве субстанции имеет в себе деятельную силу, не знающий покоя принцип деятельности. За это, верно, и ценил Маркс Лейбница, замечает В. И. Ленин [1].

Монады Лейбница — это живые, подвижные атомы, обладающие способностью репрезентации, т. е. воспроизведения и изображения в себе всего окружающего мира. «... Преходящее состояние, которое в единстве, или в простой субстанции, содержит и воспроизводит множественность» [2].

Далее. Если причины существования и развития материи лежат в ней самой, то для каждого отдельного материального явления также следует допустить наличие внутренних источников изменения, которые заключаются во взаимоотношении противоположностей.

---

[1] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т 29, стр. 67—69.
[2] См. там же, стр. 69.

Субстанцией причинно-следственных изменений является не только материя в целом, но и ее отдельные виды, т. е. отдельные материальные реальности, существующие относительно автономно и являющиеся носителями специфических форм движения материи. Например, атомы являются основой, субстанцией химических соединений и их преобразований. Белковые тела являются субстанцией эволюции живой материи. Материальное производство является субстанцией социальных процессов.

Причинность и взаимодействие. Что же такое взаимодействие и какое место занимает в нем причинность? Взаимодействие — это такая связь материальных явлений, когда эти явления или их стороны и свойства взаимно обусловливают друг друга и переходят друг в друга, причем общая сумма движения при всех изменениях его форм остается одной и той же.

Каждое причинно-следственное отношение является звеном в бесконечной цепи мировой связи и взаимообусловленности явлений. Кроме того, в каждом причинно-следственном отношении следствие активно влияет на свою причину. Все это и охватывается более широким понятием взаимодействия, которое включает в себя как внешнюю, так и внутреннюю связь явлений и само служит причиной возникновения новых явлений. Взаимодействие — это процесс взаимного влияния тел, обмена результатами этого влияния, благодаря чему ни одно из взаимодействующих явлений порознь нельзя однозначно определить как причину.

Понятие всеобщего взаимодействия позволяет преодолеть недиалектическое толкование причинности как бесконечного ряда чисто линейного следования причин и следствий, исключающего случайность. Благодаря взаимодействию отдельные цепочки причин и следствий замыкаются, приобретают циклический характер, становятся носителями нового уровня организации материи. Из различных типов взаимодействия возникают различные уровни организации и дифференциации материи. Но при всех типах взаимодействия в движении компонентов проявляется определенная системность, образуются относительно стабильные материальные системы (например, атом, молекула, организм, рой пчел, общество и др.).

Понятие взаимодействия позволяет также вскрыть

несостоятельность идеи первопричины всего сущего и мира в целом, идеи, порожденной в свое время религиозным сознанием. Понятие взаимодействия делает праздным вопрос о причине всех причин. Взаимодействие — это истинная конечная причина (causa finalis) всех изменений, дальше которой идти некуда. Спинозовское — субстанция есть causa sui (причина самой себя) — прекрасно выражает взаимодействие, указывал Ф. Энгельс [1].

Любая вещь является тем, что она есть, благодаря взаимодействию. Вещь ничто вне этого взаимодействия, указывал Гегель. Сущность взаимодействия раскрывается через единство и борьбу противоположностей. Взаимодействие, по самой сути своей, есть взаимосвязь и взаимоотношение противоположных сторон и тенденций. Взаимоотношение противоположностей, по Ленину, является источником самодвижения явлений, его двигательной силой, его мотивом. Более того, единство и борьба противоположностей только и дает ключ к скачкам, к переходам в противоположность, к отрицанию старого и утверждению нового в процессе развития.

Взаимодействие означает, что каждое из определений взаимодействующих сторон снимается и превращается в противоположность. Так, действие превращается в противодействие, отталкивание — в притяжение. А превращение внешнего во внутреннее и внутреннего во внешнее говорит о том, что взаимоотношение и взаимодействие противоположностей лежат в основе всех форм и видов движения материи. Взаимодействие всегда есть разрешение одних противоречий и возникновение других, новых противоречий. Диалектика противоположностей раскрывает тайну направленного развития. Дело в том, что «различающееся определение,— как правильно заметил Гегель,— имеет против себя не другое определение вообще, но свое собственное иное»[2]. Направленное развитие возможно благодаря способности тел отражать в себе, т. е. воспроизводить в измененном виде, особенности воздействующих факторов.

Единство и взаимоотношение противоположностей есть единство процессов изменения и устойчивого направленного детерминизма. Взаимодействующие проти-

---

[1] См.: К. Маркс и Ф Энгельс. Соч., т. 20, стр 546.
[2] Гегель Энциклопедия наук. Логика. М., 1861, § 119, стр 210.

воположности не просто меняются местами, монотонно порождая и вновь отрицая самих себя. Они в противоречиях порождают новое явление, т. е. новое единство противоположностей, которое доступно предвидению. Разрешение противоречия есть упразднение прежних противоположностей и возникновение новых. Например, с победой пролетариата в социалистической революции «исчезает как сам пролетариат, так и обусловливающая его противоположность — частная собственность»,— писал К. Маркс [1]. Но антагонизм исчезает, а противоречие остается движущей силой развития, причиной поступательного развития и в социалистическом обществе.

Взаимодействие дает ключ к пониманию самого механизма причинения. На поверхности вещей причинение выступает как такая связь, когда одно явление воздействует на другое и изменяет его движение или преобразует его свойства. Но это всего лишь внешняя сторона дела. По существу же, тело, подвергшееся воздействию, так же участвует в производстве следствия, как и тело, оказывающее воздействие, и причинная связь представляется включенной во взаимодействие тел как одна из его сторон или как момент взаимодействия.

Причинность есть форма опосредствования, связей между явлениями и процессами, когда один процесс вызывает другой. Взаимодействие же обусловливает относительный характер всякой конкретной причинной связи, которая не есть нечто положенное заранее, а возникает и исчезает во всеобщем взаимодействии как выражение неистребимой способности материи к самодвижению. В. И. Ленин отметил важное высказывание Гегеля: «Во взаимодействии первоначальная причинность представляется как некоторое возникновение из ее отрицания, пассивности, и как исчезание в ней, как некоторое становление...» [2].

Причина и следствие имеют самостоятельное значение как таковые только в применении к данным явлениям, а взятые в универсальной зависимости, они меняются местами. Причина и следствие суть лишь моменты всемирной взаимозависимости, взаимосцепления

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 39.
[2] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 145.

событий, лишь звенья в цепи развития материи, отмечал В. И. Ленин [1].

Марксистская диалектика требует различать внешние и внутренние условия, внешние и внутренние причины событий. Всякий процесс совершается под влиянием внешних условий. Однако внешние воздействия всегда преломляются через внутренние отношения и состояния. Поэтому причинение — это не просто внешний толчок, который непосредственно определяет следствие, ибо эффект внешнего воздействия зависит от внутренних условий тела, на которое оказывается воздействие, т. е. от взаимодействия внутреннего и внешнего.

Все это говорит о том, что взаимодействие — не частный случай причинной зависимости явлений, а, наоборот, причинность есть частный случай, или момент, в универсальном взаимодействии. В силу этого различие между первичными и вторичными процессами оказывается вполне относительным и снимается в их взаимодействии между собой.

Взаимодействие исключает всякое абсолютно первичное и абсолютно вторичное, указывал Ф. Энгельс.

Конечно, понятие взаимодействия нельзя брать в его абстракции и отсюда выводить конкретные связи явлений. Еще Гегель в «Энциклопедии» подчеркивал недостаточность и пустоту голого понятия «взаимодействие» и выдвигал необходимость выявления опосредствующих моментов взаимодействия, через которые может быть понято и само взаимодействие.

Взаимодействующие стороны нельзя брать как непосредственно сущие, их надо брать как стороны, имеющие свое основание в целом, так как от развития целого зависит значение взаимодействующих сторон и их роль в составе целого. Познание взаимодействия явлений и вещей есть ступенька к познанию законов их движения. Гегель считал, что рассмотрение данного содержания только с точки зрения взаимодействия недостаточно, что стороны взаимодействия нужно брать как моменты третьего, более высокого определения [2].

Так, например, историю спартанского народа нельзя удовлетворительно понять исходя только из взаимодействия государственного строя, нравов и других сторон

---

[1] См.: В И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 143.
[2] См. там же, стр. 147.

жизни этого народа. И то, и другое, и третье можно понять только как стороны целого, которое и лежит в их основе. Или еще пример. Природа влияет на общество, а общество влияет на природу. Сторонники теории факторов довольствуются констатацией этого взаимодействия и не идут далее. А суть в том, что в основе изменений обеих взаимодействующих сторон скрывается третье — развитие производительных сил, в результате чего непосредственная зависимость общества от природы ослабевает, а опосредованная зависимость усиливается.

Механическое понимание причинности не доходит до познания соотношения явлений, причины которых установлены. А это соотношение, это целое, это единство и есть главное, есть то, что ведет к раскрытию сути детерминизма. В. И. Ленин отмечает чрезвычайно важное требование диалектического рассмотрения: все отдельные стороны и целое. В «Философских тетрадях» В. И. Ленин приводит как взаимозаменимые понятия: «отношение» причин, целое как существенное единство, основание [1].

Иногда основание трактуют как совокупность предметов или явлений, порождающих новую совокупность предметов или явлений. В этом случае основание отождествляется с причиной, а обоснованное — со следствием. Между тем особенность основания состоит именно в том, что оно не перестает существовать в обоснованном, а продолжает оставаться совокупностью устойчивых существенных связей и отношений, определяющих движение явлений, надстраивающихся над этим основанием. Найти достаточное основание существования того или иного явления — это значит отыскать не одну только причину, породившую это явление, но и закон его возникновения, развития, функционирования и гибели. Механизм возникновения нового качества не может быть схвачен посредством одной лишь причинности, а предполагает использование многих других категорий, как-то: единичное и общее, сущность и явление, необходимость и случайность, закон и др.

Причина и условия. Каждая причина требует необходимых условий для своей реализации, и, если не находит этих условий, она не реализуется. Существо-

[1] См: В И Ленин Полн собр соч, т 29, стр 129

вание условий не зависит от самой причины, наоборот, действие причины зависит от условий. Но во взаимодействии с причиной условия сами становятся причинами. Именно причина как обусловленное явление делает сопутствующие явления условием своей реализации и создает предпосылки для превращения самих условий в причины. Условие есть причина в потенции, а причина есть условие в действии, т. е. такое условие, которое непосредственно порождает следствие. Обусловленность и причинение не исключают друг друга, но и не тождественны между собой. Второе у́же первого. В. П. Тугаринов правильно пишет: «Понятие условия шире, общее, чем понятие причины. Не всякое условие есть причина. Причина есть такое условие, которое производит, вызывает явление в целом или в каких-либо чертах, отношениях»[1]. Причинность является частным случаем обусловленности явлений. Условия могут становиться причинами, а причины — условиями, пассивное может стать активным, а активное — пассивным.

Причинная связь сама по себе однозначна, строго определенна, но, действуя в условиях всеобщей связи явлений, становится неоднозначной и неопределенной и как бы расплывается в общей обусловленности явлений друг другом. Например, падающий камень и падающая пушинка находятся под действием общей причины — земного притяжения и движутся в одних и тех же условиях температуры, влажности и перемещений воздуха. Однако если на траекторию камня эти условия не оказывают существенного влияния, то для пушинки эти условия становятся причиной ее взлетов и падений. Иначе говоря, условия начинают выполнять функцию причины, так как приобрели активность, превысившую активность первоначальной причины.

Вообще различие между причиной и условиями относительно. То, что является причиной в одном отношении, может выступать в качестве условия в другом отношении. Так, например, развитие производительных сил является причиной изменения производственных отношений, но в отношении развития надстройки они являются условием, а причиной ее развития являются производственные отношения.

Для порождения следствия причина должна преодо-

[1] В. П Тугаринов Законы объективного мира Изд-во ЛГУ, 1954, стр 68.

леть сопротивление противоборствующих факторов. Причина и условия находятся в подвижной, диалектически противоречивой зависимости. Включенные в универсальную связь явлений, они часто меняются местами и превращаются друг в друга. Так, например, ослабленный организм часто подвергается заболеваниям, однако причиной заболеваний является не сам ослабленный организм, а различные инфекции. Ослабление организма — это лишь благоприятное условие. С другой стороны, инфицирование организма может привести к дальнейшему ослаблению организма и явиться условием осложнений в течении болезни. Причина и условие поменялись местами, причина стала условием, а условие — причиной.

Вне условий нет детерминизма. Не детерминируя непосредственно следствия, условие детерминирует, однако, процесс превращения причины в следствие, без него была бы невозможна реализация причинной связи. Условие делает возможным сам процесс причинения, который превращает возможность возникновения нового в действительность. Так, например, появление прибавочного продукта на заре цивилизации явилось необходимым условием возникновения отношений эксплуатации человека человеком. Однако сам по себе прибавочный продукт не порождает отношений эксплуатации, не ведет к расколу общества на классы. Причиной возникновения классов явилась частная собственность на средства производства. Прибавочный продукт — это лишь условие реализации данной причины. Появление прибавочного продукта создало экономическую возможность существования одних людей за счет других. Возникновение частной собственности превратило эту возможность в действительность, указывает Ф. Энгельс [1].

Условия и причины подразделяются на внешние и внутренние. Всякое изменение явлений и систем происходит в результате взаимодействия внешних и внутренних детерминантов. При этом роль внутренних детерминантов по мере усложнения организации или строения предмета или системы возрастает до степени определяющего фактора, а роль внешних детерминантов снижается от роли причин изменения системы до роли условий и пусковых механизмов.

---

[1] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 116.

Возникшая из определенных условий вещь приобретает относительную самостоятельность и независимость от условий и опосредует воздействие внешних условий собственными внутренними изменениями. Так, живой организм требует соответствующих условий для своей жизнедеятельности, действует как целостная система, способная вступать в связь с новыми, ранее индифферентными условиями.

В социальных процессах возрастание роли внутренних детерминантов можно показать на примере превращения рабочего класса из «класса в себе» в класс «для себя», предполагающего рост сознательности и организованности этого класса до такого уровня, когда внешняя потребность замены капитализма социализмом становится внутренним побуждением, осознанным интересом.

При всей относительности различий между причиной и условиями различия эти существуют объективно, и смешивать причину с условиями недопустимо и вредно как в научном, так и в практическом отношении. Установление причины имеет решающее значение для анализа происхождения и тенденции развития любого явления. Причина обязательно входит в совокупность условий, посредством которых рождается новое, и обходить причину или игнорировать ее — значит лишиться возможности преобразующей деятельности в любой сфере жизни.

Марксистско-ленинская философия отмечает многообразие причинных связей в качественно разнообразных формах движения материи.

В механическом движении причинность имеет место там, где одно явление воздействует на другое и вызывает или изменяет его движение. Здесь причина активна, она передает следствию определенное количество движения или силы, а следствие — пассивный результат. Оно становится активным только тогда, когда само становится причиной. В механическом движении причина и следствие взаимно меняются местами, но поочередно и в разных отношениях, а не одновременно в одном и том же отношении. Такое понимание причинности характерно для классической механики Ньютона.

Возьмем пример из более сложной формы движения материи. Наседка высиживает цыпленка из яйца. Тепло, которое она передает яйцу, не причина, а лишь

условие появления цыпленка, так как если бы вместо яйца находился камень, то цыпленок не вывелся бы. Значит истинная причина появления живого организма заключена в зародыше, способном к саморазвитию и саморегулированию, к преобразованию как внутренних, так и некоторых внешних условий жизни в определенном направлении. Очевидно, что следствие, т. е. последующее состояние, здесь не отделено от причины, т. е. от предыдущего состояния, а заключает ее в себе, изменяется вместе с нею, в постоянном взаимодействии с нею. Прошлое входит в существующее настоящее как его основание, а настоящее есть отрицание и снятие этого основания и создание нового основания.

В сложных формах движения материи причина не механически порождает следствие, а, взаимодействуя с условиями, преобразует их и преобразуется при этом сама.

Итак, причинность нельзя правильно понять, если рассматривать ее в отрыве от других форм связи, например в отрыве от обусловленности. Ведь при различных внутренних и внешних условиях одна и та же причина вызывает различные следствия, т. е. условия преобразуют причину. А с другой стороны, устойчивость живых организмов к меняющимся условиям жизни говорит о том, что причина способна усваивать и преобразовывать условия.

Гегель по этому поводу писал следующее: «... то, что действует на живое, самостоятельно определяется, изменяется и преобразуется последним, ибо живое не дает причине дойти до ее действия, т. е. упраздняет ее как причину. Так, например, недопустимо говорить, что пища есть причина крови, или что такие-то кушанья или холод, сырость суть причины лихорадки и т. п.»[1].

Только во взаимодействии с внутренними детерминантами внешние условия или причина становятся причинами изменения тел. Однако не только живое способно преобразовывать внешние воздействия. Об этом говорит современная физика микропроцессов.

Причина отнюдь не всегда является чем-то внешним явлению. Причина может рождаться спонтанно, из взаимодействия внутренних сторон. Уже Гегель высказывался против односторонних метафизических представ-

[1] Гегель Соч., т. V. М., Соцэкгиз, 1937, стр 680.

лений о причинности. Причина, писал Гегель, есть нечто самодвижущее, она действует спонтанно, не будучи возбуждена некоторым другим, и есть самостоятельный источник, порождение из себя. Более того, основное содержание причины, ее первоначальность, Гегель усматривал в ее рефлексии внутрь самой себя, в том, что, только отрицая себя, причина производит следствие [1].

Деятельность причины состоит в том, что причина отрицает себя и этим производит следствие. Например, электрическое поле, порождая разряд, само полностью или частично разрушается. В общественной жизни производство материальных благ есть вместе с тем потребление средств производства и рабочей силы. Производство существует благодаря потреблению, т. е. за счет предшествующего производства.

Причинность — это порождение одних явлений другими и их самопорождение. В том и другом случае процесс причинения опосредствован внешними условиями, так что определенность следствия обусловлена не только причиной, но и условиями. Современное естествознание открыло огромное количество фактов, когда причинность носит характер не внешнего воздействия одного явления на другое, а вид взаимодействия противоположностей, при котором происходит одновременная передача начального причинного ансамбля. Например, при столкновении электрона и позитрона обе частицы исчезают и возникают качественно новые частицы — фотоны. На таком же принципе совпадения во времени приказа и исполнения осуществляется передача информации в кибернетических машинах.

О совпадении внутреннего и внешнего при возникновении и течении патологического процесса убедительно говорит медицина. Всякое заболевание возникает не только в результате внешнего воздействия (например, инфицирования организма), но и при наличии благоприятных внутренних условий. Внешняя причина всегда преломляется через внутренние условия, и патологический процесс в его специфике определяется этим преобразованием.

В развитии живых организмов причинная зависимость в огромной степени усложняется еще тем обстоя-

---

[1] См: Гегель Соч., т V, стр 676—677.

тельством, что она служит основой целесообразных приспособлений организма к среде. Здесь активна не только среда, но и сам организм, обладающий обратной связью, которая информирует организм о результатах каждого совершенного им действия. Организм, таким образом, как бы сам создает себя и среду своего обитания.

Еще более сложный характер причинная связь и взаимодействие имеют в социальных системах. В развитии общества причинная связь складывается и выражается через сознательную, целесообразную деятельность людей, при наличии относительной самостоятельности развития сознания. Здесь имеет место взаимодействие качественно различных факторов, осуществляющееся на основе экономической необходимости, которая прокладывает себе путь через массу случайностей. Без признания роли случайностей в истории, без проникновения в диалектику необходимости и случайности в развитии общества научное понимание исторического детерминизма невозможно.

Причинность — это только частичка универсальной взаимозависимости явлений. Причинность не исчерпывает объективного детерминизма. Наука знает многообразные связи и зависимости непричинного характера. Это — различные пространственные, временны́е, пропорциональные связи и отношения между предметами и явлениями.

Простой, наглядный пример для иллюстрации этого положения можно найти в книге аргентинского философа М. Бунге. Суждение «Война порождает тревогу» раскрывает прямую причинную связь между двумя явлениями. А суждение «Красное яблоко сладкое» выражает уже не причинную, а коррелятивную связь между двумя признаками, хотя оба эти признака существуют не без причины [1]. Или, например, молния, как яркая и почти мгновенная вспышка света, и гром, сопровождающий молнию, имеют общую причину — разряд скопившегося в воздухе атмосферного электричества. Однако оба эти явления, т. е. свет и звук, находятся между собой не в причинной, а в соотносительной временно́й связи, за движением световой вспышки закономерно следует грохот грома, хотя ни свет, ни звук не порождают друг друга, генетически не связаны между собой.

[1] См.: М. Бунге. Причинность. М., ИЛ, 1962, стр. 60.

Особенно сложный характер коррелятивные связи носят в целостных системах. Так, в живом организме изменения в одних органах неизбежно влекут за собой соответствующие соотносительные изменения других органов. Изменения форм отдельных частей органического существа влекут за собой изменение формы других частей тела. Так, постепенное усовершенствование человеческой руки и идущее рядом с этим развитие и приспособление ноги к прямой походке несомненно оказали обратное влияние на другие части организма [1]. В течение многих тысячелетий, очень медленно, но неотвратимо совершалось превращение человекообразного предка в человека. Процесс этот определялся многими факторами, но решающее значение имел труд, под влиянием которого человеческая рука достигла высокого совершенства и оказала обратное воздействие на весь организм и, в частности, на мозг. Труд привел к возникновению мышления и языка, которые также находятся в соотносительной, коррелятивной связи между собой.

Значит помимо причинных законов существуют законы непричинные. Б. М. Кедров правильно отмечает, что в природе действуют законы, выражающие сосуществование одного предмета или явления возле другого в пространстве. В этом случае одна сторона детерминирует другую, не предшествуя ей во времени, а возникая и сосуществуя одновременно, будучи неразрывно с нею связана [2]. Например, заряд ядра в атоме химического элемента определяет его свойства. Пространственное расположение атомов и молекул в кристаллической решетке определяет свойства кристаллов. Таким образом, одни стороны, свойства или элементы системы детерминируют другие, находясь в отношениях сосуществования.

Естественные науки знают законы, выражающие структурные связи явлений, которые не имеют никаких элементов причинения. Например, третий закон Кеплера, утверждающий, что квадраты периодов обращения двух планет относятся между собой как кубы больших радиусов их орбит: $\frac{T^2_1}{r^3_1} = \frac{T^2_2}{r^3_2}$

---

[1] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 488.

[2] См: Б. М. Кедров. Предмет и взаимосвязь естественных наук. Изд-во АН СССР, 1962, стр. 103.

Непричинным законом является также закон Эйнштейна о соотношении между массой и энергией: $E=mc^2$ или фундаментальное отношение между длиной волны и импульсом частицы. Здесь везде значение одной величины определяет значение другой, но здесь нигде нет причинной зависимости между этими величинами. Например, хорошо известно, что масса не порождает энергии, или наоборот, как это обязательно в случае причинной зависимости.

Таким образом, причинность не исчерпывает обусловленности явлений, которая может осуществляться и непричинным образом. Но это не отменяет того факта, что нет явлений беспричинных, что причинность является универсальной формой связи явлений, что, следовательно, причинность охватывает весь объективный мир, от величайших небесных тел до мельчайших частиц, отвечая на вопрос о происхождении явлений.

В отличие от механистического детерминизма, который старался сводить все разнообразие связей действительности к причинности в самой абстрактной форме, диалектический материализм выработал основные категории, выражающие богатство универсальной связи, с помощью которых раскрывается механизм причинной детерминации. Особо важное значение имеют в данном отношении категории единичное и общее, сущность и явление. Остановимся несколько подробнее на этом вопросе.

Значение общего и специфического в детерминации явлений. Познание развивается как вширь, путем вовлечения в сферу исследования новых явлений и фактов и раскрытия их общих и специфических сторон, так и вглубь, от явления к сущности, от сущности первого порядка к сущности второго порядка и т. д., от одной формы связи и взаимозависимости к другой, более глубокой и более общей. Процесс познания на всех этапах углубления в действительность неизбежно открывает диалектику единичного и общего. Но и сама жизнь заставляет людей выделять в предметах и явлениях две стороны: единичное и общее, т. е. то, что отделяет один предмет от другого, и то, что их объединяет в определенные группы, классы, виды. Если единичное — это совокупность индивидуальных, неповторимых черт предмета, то общее — это совокупность сходных, одинаковых, повторяющихся черт в данной группе предметов.

Общее относительно более устойчиво, чем единичное, оно повторяется и возобновляется в другом единичном. Например, отдельные организмы рождаются и умирают, а виды организмов остаются; но и виды не вечны, они возникают и исчезают, а такие общие свойства живого, как обмен веществ, рост, размножение, сохраняются и т. д.

Явления объективного мира обладают еще вечными, непреходящими свойствами, такими, как материальность, протяженность, длительность и др. Единичное и общее представляют единство противоположностей. Это значит, что каждое отдельное есть общее, а каждое общее есть частичка, сторона или сущность отдельного. Общее существует лишь в отдельном и через отдельное. Нераздельность общего и единичного есть объективный факт бытия и входит в механизм изменения любых явлений. Она имеет первостепенное значение для правильного понимания процесса развития.

В истории философии известны попытки рассматривать единичное и общее в качестве независимых сторон действительности. Так, номиналисты отрицали объективность общего в явлениях и представляли мир как хаос изолированных, обособленных предметов. Напротив, реалисты превращали общее в самостоятельное духовное начало, которое господствует над миром и недоступно познанию и воздействию людей.

Развитие философии и естествознания и практическая деятельность людей отвергает метафизический отрыв единичного от общего. В действительности противоположность общего единичному относительна, всякое общее есть в то же время единичное, а единичное есть общее, они способны взаимно превращаться друг в друга, т. е. общее может стать единичным, а единичное — общим. Естествознание показывает превращения, переходы, переливы единичного в общее и общего в единичное.

Индивидуальные различия организмов в ходе эволюции могут становиться видовыми и родовыми, т. е. общими различиями и признаками. И наоборот, общие для данного вида или рода признаки становятся не только признаками каждого индивида, каждой особи, но и признаками любой ее органической клеточки. Современная биология неопровержимо доказала, что организм — это не федерация клеток, как полагал Вирхов, живу-

щих обособленной жизнью, где половые клетки не связаны и ничего общего не имеют с клетками тела (сомы).

Современное естествознание установило, что при наличии устойчивых, повторяющихся условий единичное (имеется в виду любая клеточка организма) способно воспроизводить все или многие признаки общего. Немецкий ученый Г. Дриш экспериментально доказал эквипотенциальность клеток зародышей у многих животных на очень ранней стадии (способность искусственно отделенных бластомеров развиваться в целый организм). Доказано, что не только половые клетки организма, но и телесные клетки могут развиваться в целый нормальный организм, воспроизводящий признаки данного вида. Например, из клетки живой губки, протертой через полотняную ткань в стакан воды, через несколько дней развиваются новые, совершенно нормальные животные. А из любой телесной клетки моркови (из листа или стебля) можно вырастить нормальное растение. Это явление называется соматическим эмбриогенезом [1]. Оно доказывает, что все клетки организма, несмотря на глубокие индивидуальные различия между ними, несут в себе и регенерируют общие признаки вида, что раз утвердившееся в жизни общее обладает большой устойчивостью и пробивает себе дорогу через все различия единичного.

«... Отдельное не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему»[2],— писал В. И. Ленин. Это значит, что единичное необходимо отражает свойства общего, что единичное управляется общим. И только при постоянном внимании к общему можно понять закономерности развития единичного. Например, тот факт, что отдельный человек существует и может существовать только в обществе, т. е. в связи с другими людьми, определяет то, что он обладает одинаковыми с ними общими свойствами и признаками, которые отличают человека от животного. Такими свойствами являются, например, способность человека трудиться, создавать материальные и духовные ценности, пользоваться языком и мыслить.

Человек не может нормально развиваться вне общества. Дети, выросшие среди животных, лишены че-

[1] См.: Б. Токин. Парадокс природы. «Правда», 1967, 26 февраля.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 318

ловеческих чувств и свойств, они не способны трудиться, разговаривать и мыслить. Следовательно, источником человеческих чувств и свойств является общество, а не природа. Только на основе дифференциации взаимных общественных отношений у людей развились многообразные общие и индивидуальные качества. Значит, источник индивидуального надо искать в общем, в модификациях общего, которое всегда существует в отдельном. Связь единичного с общим осуществляется не прямо, не непосредственно, а через особенное, через связь индивида со своим классом, со своей социальной группой. Поэтому в классовом обществе социальные чувства и свойства людей приобретают классовый характер.

Общественное — классовое — индивидуальное — таковы необходимо и неразрывно связанные звенья и стороны детерминации бытия каждой личности в классовом обществе.

Значение диалектики единичного и общего огромно. В. И. Ленин отмечает, что К. Маркс в первой главе I тома «Капитала» использовал положение о превращаемости общего и единичного при анализе форм стоимости. Уже простая форма стоимости, отдельный акт обмена одного товара на другой, включает в себя в неразвитой форме все главные противоречия капитализма. Выделять каузальность из этой связи нелепо, заключает Ленин [1].

Диалектика единичного и общего имеет огромное значение для понимания механизма причинной детерминации явлений. В самом деле, если единичное не существует без общего, а общее без единичного, то в каждом акте причинения участвуют обе данные стороны явления, производящего следствие, и обе они отражаются в следствии.

Известна противоположная точка зрения. Социологи-неокантианцы отрицают объективный характер общего и только за единичным признают право на реальное существование в истории общества. Так, Г. Риккерт, например, считал, что в общественной жизни имеет место лишь «индивидуальная историческая причинность», которая лишена какого-либо общего значения и закономерного характера. Индивидуальные причинные ряды в истории общества невозможно якобы подвести ни под

[1] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 160.

какой общий закон. Но это утверждение не соответствует действительности.

В истории общества, так же как и в природе, всякое причинение представляет собой двуединый процесс вычленения и унификации вещи или явления и одновременно передачи общего, повторяющегося, что объединяет вещь или явление в данный класс объектов. Иначе не может и быть. Если бы, например, преступления носили только индивидуальный и неповторимый характер, то было бы невозможно установить причины преступлений и бороться с преступностью.

Всякое следствие фиксирует в себе пройденный явлением путь развития, отражает черты сходства и различия данной конкретной причины с другими причинами данного класса. По следствию можно судить о причине. Всякое историческое событие, при всей своей индивидуальности и неповторимости, запечатлевает породившие его условия и закономерности

В самом следствии содержится информация об условиях реализации и характерных чертах причины. Конечно, следствие не тождественно и не может быть тождественно причине, ибо тогда невозможно было бы развитие явлений и нельзя было бы установить и самой причинной зависимости. Следствие лишь приблизительно отражает породившую его причину. Поэтому структура следствия тождественна и нетождественна структуре причины. Структура следствия всегда несет в себе нечто новое сравнительно со структурой причины. Например, анатомия человека есть ключ к анатомии обезьяны, но не тождественна анатомии обезьяны, так как отражает в себе не только биологическое, но и социальное бытие человека, его способность трудиться. Причинение всегда является выражением одновременного действия частного и общего. Об этом особенно ясно говорит история общества.

В историческом процессе очень четко выступает качественное своеобразие и несводимость характерных черт, структур и закономерностей развития отдельных общественно-экономических формаций. Каждый крупный исторический период имеет свои законы, и с переходом к следующему периоду в действие вступают другие, соответствующие ему законы.

Вместе с тем между общественными формациями и историческими этапами имеется связь и преемствен-

ность, которая свидетельствует о наличии в историческом процессе общих условий, общих причин и закономерностей, действие которых преломляется через специфические условия и закономерности соответствующей эпохи.

Конкретный ход истории опровергает как попытки растворения частного в общем, так и попытки сведения общего к частному, особенному. Марксистская социология всегда решительно выступала как против перенесения законов и характеристик отдельных общественно-экономических формаций на всю историю общества, так и против растворения специфических черт и законов отдельных исторических периодов в общих взаимоотношениях и зависимостях.

Буржуазные теоретики, например, во всех исторических эпохах пытаются находить законы капитализма, а с другой стороны, основоположники современных теорий исторической цикличности О. Шпенглер и А. Тойнби всячески подчеркивают общие, повторяющиеся стороны различных эпох и на этой основе отрицают учение об общественных формациях.

Соотношение общего и единичного не остается неизменным. В механизме последовательной и преемственной смены материальных образований (например, общественных формаций) общее (т. е. общие для всех формаций свойства и закономерности) выступает лишь в качестве необходимых внутренних условий качественных превращений, в то время как специфические различия (т. е. специфические черты и закономерности) составляют определяющую основу и играют главную роль в развитии каждой формации. Здесь общее подчинено единичному, как низшее высшему. Так, например, закон соответствия производственных отношений характеру производительных сил реализуется лишь через разрешение основного противоречия капитализма, т. е. противоречия между капиталом и трудом.

И. Кузминов правильно отмечает, что сущность или природу того или иного общественного строя не могут определять отношения и законы, общие для всех или для многих общественных формаций, что определяют ее специфические производственные отношения, типичные для данной формации [1]. Например, сущность социализма нельзя искать в товарно-денежных отношениях, как это

[1] См «Правда», 1969, 16 апреля

делают некоторые югославские и чехословацкие экономисты, ее надо искать в социалистической собственности на средства производства.

Иначе соотносятся между собой общее и единичное при взаимодействии существующих качественно однородных материальных образований (например, при взаимодействии социалистических обществ, входящих в мировую систему). Здесь общее выступает фокусом интеграции, выполняет функцию целого, управляющего своими частями, и является определяющей основой качественного своеобразия явления. Так, принцип социалистического интернационализма во взаимоотношениях социалистических стран не отменяет национальных особенностей и национальных интересов этих стран, а является незыблемой основой социального прогресса стран социалистического лагеря.

В данном случае общее есть та структурная база, через которую каждое отдельное соотносится с другими отдельными явлениями. Оно является основным звеном функционирования однотипных систем, подчиняющим себе особенное и единичное. Выходит, что общее различных уровней развития всегда оказывается подчиненным общему структурно-функционального типа. Например, людей объединяют не те черты, которые связывают и роднят их с животными, а те черты, которые сложились в процессе выделения их из мира животных.

В практической деятельности нельзя не учитывать объективной диалектики общего, особенного и единичного. Об этом Ленин писал неоднократно. В частности, в книге «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» он показал, как важно основные принципы коммунизма (Советская власть, диктатура пролетариата и др.) применять с учетом национальных и национально-государственных различий, так как эти принципы модифицируются в различных странах, сохраняя, однако, свое основное значение. Поэтому как преувеличение национальных особенностей, так и забвение их в угоду шаблону ведут к грубым политическим ошибкам, примером чего могут служить установки современных правых и «левых» оппортунистов, их убогие концепции относительно многообразия «моделей» социализма.

Общее и специфическое играют различную роль в детерминации социальных явлений. В докладе Л. И. Брež-

нева на XXIV съезде КПСС подчеркнуты два важных момента во взаимодействии общего и особенного в развитии социалистических стран: во-первых, то, что общее играет определяющую роль в этом развитии. «... Путь к социализму, его главные черты определяются общими закономерностями, которые присущи развитию всех социалистических стран» [1], — говорит Л. И. Брежнев. Однако определяющая роль общего не снимает и не умаляет роли особенного и единичного, ибо только посредством особенного и единичного общее и закономерное прокладывает себе дорогу. Действие общих закономерностей проявляется в различных формах, отвечающих конкретно-историческим условиям, национальным особенностям. Во-вторых, роль общего состоит в том, что оно объединяет, сплачивает и усиливает единичное и особенное. Ориентировка на общее, на растущие элементы социализма и коммунизма является источником преодоления трудностей объективного и субъективного порядка. Общность социалистических стран, совпадение коренных интересов и целей народов дают возможность преодолевать эти трудности, неуклонно двигать вперед дело развития и укрепления мировой системы социализма [2].

В результате действия общих причин и закономерностей происходит сближение наций и народов Советского Союза, ломка национальных перегородок. «Чем интенсивнее экономическое и социальное развитие каждой из национальных республик, тем более явственно проявляется там процесс интернационализации всей нашей жизни»,— говорит Л. И. Брежнев [3].

Для марксистской диалектики важно такое общее, которое воплощает в себе сущность особенного, индивидуального, отдельного, указывал Ленин, отмежевываясь как от догматизма, который игнорирует специфику особенного и твердит общие формулы без учета новых обстоятельств, так и от ревизионизма, который недооценивает или открыто отрицает общие закономерности и отрекается от социалистической революции и диктатуры пролетариата, отрекается в конечном счете и от социа-

---

[1] «Материалы XXIV съезда КПСС». М., Политиздат, 1971, стр. 6.
[2] См. там же.
[3] Л. И. Брежнев. О пятидесятилетии СССР. Политиздат, 1972, стр. 21.

лизма в угоду так называемому «либерализованному», т. е. приспособленному к интересам буржуазии, социализму.

Каково же место причинной детерминации в диалектике общего и единичного? Отношения между общим и единичным сами по себе носят непричинный характер. В отличие от причинной детерминации, где отношения устанавливаются между двумя существенно различными явлениями, где следствие начинает в конце концов независимое от причины существование, в отношениях между общим и единичным нет и не может быть порождения одного другим, обособления одного от другого. Общее не может быть причиной единичного. Общее и единичное органически связаны между собой и взаимно обусловливают друг друга. Общее определяет направление и ход развития единичного, общее служит организующим, упорядочивающим фактором движения. Очевидно, что здесь имеет место зависимость иного рода, чем причинная, которая относится к разряду структурно-функциональных зависимостей. Общее обусловливает изменения единичного, придает направленность этим изменениям, вносит структурность в процессы, протекающие в единичном, но не причиняет самих изменений, так как не обладает субстанциальностью. А отдельное, напротив, обладает самостоятельной активностью и способностью причинения и самодетерминации, но определяемой общими условиями и законами.

Общее детерминирует явления только через причинные связи отдельного, выступая в качестве условий, а отдельное порождает другое отдельное по общему правилу и порядку, сообразуясь с общими условиями.

Буржуазные социологи пытаются изображать некоторые общие условия развития стран с различным общественным строем в качестве определяющего фактора социальных изменений. Например, авторы так называемой теории конвергенции утверждают, будто в общих условиях научно-технической революции происходит сближение капитализма и социализма, стираются черты различия противоположных систем. Эти общие условия они выдают за определяющие факторы и замазывают те причины, которые действительно определяют коренную противоположность капитализма и социализма и невозможность их конвергенции. А факты говорят о том, что в действительности интеграция стран и народов в совре-

менную эпоху может осуществляться либо на базе капитализма, либо на базе социализма. Первая возможность все более вытесняется второй возможностью, и причина этого лежит в исторических преимуществах социализма перед капитализмом, так как именно социализм представляет общую закономерность развития человечества в нашу эпоху.

Общее всегда обусловливает изменения отдельного, но оно не привносится извне, а возникает в самом отдельном в результате преодоления противоположностей. Не примирение, не механическое объединение, а борьба противоположностей является определяющей движущей силой, главным источником развития явления.

Итак, познание открывает в отдельном общее. Но общее может быть внешним и внутренним, существенным и несущественным, поверхностным и глубоким. Не всякое общее играет определяющую роль в развитии. Так, люди одной расы имеют одинаковый цвет кожи и волос. Но эти общие признаки ничего не говорят о характере и свойствах этих людей как исторических деятелей. Они не определяют развития общества. Только расисты и шовинисты, вопреки исторической правде, пытаются находить в свойствах расы определяющий фактор исторического развития. Только такие беспардонные фальсификаторы истории, как Чемберлен, Гитлер, Розенберг, могли доказывать, будто сознание принадлежности к определенной расе является решающим двигателем истории.

Научное познание не скользит по поверхности, а идет от явления к сущности, от внешнего к внутреннему. Открыв производственные отношения как материальную основу всех других отношений в обществе, Маркс и Энгельс создали науку об обществе. Они доказали, что в процессе производства материальной жизни у людей возникают такие общие интересы, перед которыми на задний план отступают все другие общие интересы (расовые, национальные и пр.). Это — интересы экономические, которые в классовом обществе имеют классовый характер. В. И. Ленин указал четыре общих признака классов, которые органически вытекают из характера производственных отношений и которые являются действительно определяющими факторами развития общества.

Диалектическое единство общего и единичного имеет место как в глубине, так и на поверхности явлений, как

в сущности, так и в ее проявлениях, как в основании, так и в обоснованном. Поэтому раскрытие одних только общих сторон и связей в явлениях недостаточно для выявления сущности.

Существенная и несущественная детерминация явлений. Сущность не идентична причине соответствующего явления, а явление не есть непосредственно следствие сущности. Отношения между сущностью и явлением сложнее и богаче отношений причины и следствия.

Сущность есть основа явления, его субстанция, т. е. то, что во взаимодействии с изменяющимися условиями определяет характер изменений самого явления.

Сущность — это совокупность внутренних, общих, необходимых, относительно устойчивых отношений, которые связывают стороны явления в единое целое и обусловливают его качественную определенность. Явление же есть внешняя сторона предмета или вещи, которая служит выражением сущности.

Сущность — внутренняя, устойчивая, повторяющаяся сторона предмета, а явление — это внешняя, изменчивая, неповторимая сторона в предмете. «... Несущественное, кажущееся, поверхностное чаще исчезает, не так «плотно» держится, не так «крепко сидит», как «сущность». Etwa (примерно.— *Ред.*):движение реки — пена сверху и глубокие течения внизу. *Но и пена* есть выражение сущности!»[1]— пишет Ленин.

Явление неотделимо от сущности. Явление всегда существенно, т. е. всегда так или иначе выражает сущность ,а сущность всегда проявляется через внешнее, поверхностное и не может существовать отдельно от явления, так сказать, в «чистом» виде. Только в мыслях человек способен проникнуть за поверхность вещей в их сущность, освободить сущность от затемняющих ее обстоятельств. В то же время явление никогда полностью не совпадает с сущностью, всегда отличается от сущности и в определенной степени является ее противоположностью, искажает ее. Различия между сущностью и явлением могут развиваться в противоположность. Тогда явление принимает форму видимости, которую сущность содержит в самой себе как бесконечное движение внутри себя[2]. «Кажимость (кажущееся) есть *отражение* сущности в себе (ней) самой»,— пишет

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 116.
[2] См.: Гегель. Соч., т. V, стр. 446.

Ленин. При этом происходит превращение в противоположность. «Кажимость = отрицательной природе сущности»[1]. Например, при капитализме общество, развивая производительные силы, т. е. очеловечивая природу, овеществляет, т. е. обесчеловечивает, вместе с тем свои собственные отношения.

Кажимость столь же объективна, как и сущность. Ее существование объясняется не пробелами нашего познания, а объективной диалектикой сущности и ее проявления. Кажущееся есть одно из определений сущности, одна из ее сторон, один из ее моментов.

Сущность и явление нельзя представлять как какое-то ядро в скорлупе. Один поэт-агностик написал следующие стихи:

Природы внутреннюю суть
Познать бессилен ум людской:
Он счастлив, если видит путь
К знакомству с внешней скорлупой.

Великий немецкий поэт Гёте ответил этому философу следующее:

Всю жизнь об этом мне твердят без толку,
Я же негодую — хоть и втихомолку;
На скорлупу и на ядро бесцельно
Делить природу: все в ней нераздельно...[2]

Само собой разумеется, что при рассмотрении отношений между явлением и сущностью нельзя не принимать во внимание внешние отношения предмета с другими предметами и, в частности, характер воздействия предмета на органы чувств человека, на субъекта вообще, однако это уже другая проблема. Ведь различие между сущностью и явлением, а следовательно, и своеобразие отношений между ними не могут исчезнуть при самой полной изоляции предмета от внешних условий.

Итак, видимость один из моментов сущности, и она столь же объективна, как и сущность. «Вы включаете в Schein (кажимость, видимость.— *Ред.*) все богатство мира и вы отрицаете объективность Schein'a!!»[3] — писал Ленин, вскрывая несостоятельность уверток кантианцев и позитивистов.

Конечно, в некоторых случаях кажимость как бы пре-

[1] В. И. Ленин Полн. собр. соч., т. 29, стр. 119, 118.

[2] См.: «История философии» в шести томах, т. 2. М., 1957, стр. 29.

[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч, т. 29, стр. 117.

одолевается и рассеивается развитием средств наблюдения. Так, новорожденный ребенок видит мир стоящим вверх ногами; взрослый же человек автоматически, незаметно для себя ставит все с головы на ноги, однако перевернутый характер изображения на сетчатке глаза остается. Карандаш, опущенный в стакан с водой, кажется переломленным, а в действительности он прямой. Луна кажется нам плоским диском, а на деле она — шар. Телескоп позволил преодолеть обманчивую видимость этого явления, но он не устранил тех законов, которые определяют характер формирования зрительных образов в глазу человека.

Если из этого примера еще не вполне очевидна объективность кажимости, возьмем другой. Ежедневный восход и заход солнца с практической наглядностью свидетельствует о вращении Солнца вокруг Земли. Но мы хорошо знаем, что это лишь видимость, что в действительности Земля вращается вокруг Солнца. Однако видимость эта не только не зависит от человека и человечества, а в известной степени определяет поведение людей, заставляя их сообразовывать свою деятельность с суточным движением этого небесного светила.

Современная физика микромира приносит новые доказательства того, что ни развитие познания, ни развитие приборов для наблюдения за микрочастицами не могут устранить объективной видимости в движении этих частиц, хотя и углубляют всемерно наши знания законов движения микрообъектов.

Проблема соотношения видимости и сущности особенно важна для познания специфики исторического детерминизма. Величайшей заслугой К. Маркса, как известно, является то, что он за идеалистической видимостью детерминации исторического процесса явлениями духовной жизни общества сумел открыть определяющую роль производства и воспроизводства материальной жизни общества.

В общественных отношениях капиталистического общества категория видимости играет весьма значительную роль. Благодаря овеществлению общественных отношений людей кажимость при капитализме поистине становится выражением отрицательной природы сущности, когда эти отношения становятся на голову. Капиталистический строй одновременно и тормозил и способствовал познанию законов истории общества. С одной стороны,

капитализм упростил общественные отношения. Буржуазия разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения и не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного чистогана [1].

Капитализм упростил также и отношения между классами. С появлением крупной промышленности и выступлением пролетариата на арену классовой борьбы стала очевидной экономическая основа классовой борьбы и ее значение как движущей силы истории. Этим были созданы предпосылки для открытия законов общественного развития. А с другой стороны, капитализм набросил на общественные отношения туманное покрывало товарного фетишизма, при котором общественные отношения выступают как видимые отношения вещей, обладающих собственным самостоятельным движением, не поддающимся контролю людей. Являясь неизбежным порождением всякого товарного производства, основанного на частной собственности, товарный фетишизм получил свое полное развитие при капитализме, вытеснившем все прежние формы производства.

Видимость общественного характера отношений вещей, за которыми скрываются отношения людей, не выдумка самих людей, не иллюзия, порожденная воображением, а объективная реальность, с которой люди вынуждены считаться, хотят они этого или нет. Так, капитал выступает как стоимость, способная к самовозрастанию, прибыль кажется порождением капитала, а не результатом эксплуатации наемного труда, заработная плата кажется платой за труд и по видимости каждый класс извлекает из производства тот доход, который ему положен по заслугам. Нет вроде бы никакой явной эксплуатации одного класса другим, господствует равенство и свобода предпринимательства.

Заслуга Маркса в том, что он раскрыл обманчивую видимость «общечеловечности» буржуазного строя, доказал его классовую природу, вскрыл его органическую бесчеловечность и неизбежность в силу этого его скорой гибели. Объективность вещной видимости капиталистических отношений не означает меньшей объективности их действительной сущности как отношений эксплуатации, как общественных отношений людей, которые

[1] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 426.

имеют собственную логику развития. Более того, существенные, глубинные отношения обладают как бы большей реальностью, так как они определяют и развитие, и неизбежность замены капитализма социализмом. Коренная причина гибели капитализма кроется в неразрешимых противоречиях его экономической структуры. Развивая беспрестанно производительные силы, капитализм не только не укрепляет свою экономическую основу, т. е. производственные отношения, а, наоборот, все более расшатывает ее, вскрывая ее несостоятельность, ее неспособность обеспечить прогресс общества.

Социалистический способ производства является высшим по сравнению с капиталистическим потому, что он отвечает потребностям быстрейшего развития производительных сил, все более обобществляемых уже при капитализме.

Противоречия капиталистического способа производства разрешаются лишь ценой его гибели и путем выхода за его пределы. А предпосылки для этого создаются, прежде всего, развитием производительных сил, носителем которых является рабочий класс. Но и производственные отношения капиталистического общества, вопреки своей общественной функции — воспроизводства отношений эксплуатации наемного труда капиталом,— взращивают в угнетаемых ими массах, в среде всех страдающих от общественной несправедливости силы, противоборствующие капитализму, ядром объединения которых является рабочий класс. Такова объективная основа возникновения и развития идеологии научного коммунизма, идеологии исторического прогресса и ниспровержения сил реакции. Субъективно она явилась результатом гениального проникновения в сущность капитализма.

Но, разоблачив тайну товарного фетишизма, т. е. овеществления общественных отношений людей и отчуждения этих отношений, марксизм не уничтожил и не может уничтожить такую форму проявления капиталистической сущности, ибо она может умереть только с гибелью капитализма. А пока существует этот строй, он будет порождать психологию индивидуализма, предрассудки насчет «человечности» частной собственности и теории вроде «народного капитализма», «великого общества», «строя равных возможностей» и т. п.

Капитализм не продержался бы и одного дня, если

бы рассмотренная нами видимость его как отрицательное отражение сущности не имела бы объективного характера, а создавалась бы лишь адвокатами капитализма. Так что видимость является не только объективным фактором, а и реальной силой, сопротивляющейся новому. Для преодоления этой видимости необходимо революционное преобразование общества. К. Маркс писал: «Строй общественного жизненного процесса, т. е. материального процесса производства, сбросит с себя мистическое туманное покрывало лишь тогда, когда он станет продуктом свободного общественного союза людей и будет находиться под их сознательным планомерным контролем»[1].

Устойчивость как отличительная черта сущности не означает ее неподвижности или неизменяемости. Сущность неизменна только в сравнении с явлением, а устойчивость ее проявляется в постоянстве изменений, в постоянстве накопления изменений. Это обстоятельство особенно важно для познания явлений общественной жизни, где законы, как правило, выступают в виде тенденций. Устойчивость, относительное постоянство сущности и выражающих ее законов объясняют их направляющую, организующую функцию в развитии явлений и процессов.

Подчеркивая определяющую роль сущности, диалектический материализм не игнорирует и роли явления в объективных процессах действительности.

Явление всегда богаче сущности, так как в нем имеются такие свойства и отношения, которые не сводятся к сущности, хотя и определяются ею. Так, например, способ производства и взаимодействие его сторон составляют сущность общественно-экономической формации. Способ производства и есть то, что определяет качественную специфику формации, этапы ее развития и исторические границы существования. Вместе с тем каждая общественная формация есть живой, постоянно развивающийся организм, обладающий соответственно в каждой стране своими неповторимыми чертами, обусловленными особенностями ее исторического развития.

Явление богаче сущности также и потому, что оно непосредственно отражает специфическую комбинацию внешних условий, а сущность взаимодействует с ними

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 90.

опосредованно. Важность познания сущности явлений заключается в том, что только на этом пути можно вскрыть наиболее глубокие причины и закономерности развития явлений в прошлом и в настоящем и найти те силы и факторы, которые будут определять ход событий в будущем. Так, например, в экономике любого классового общества можно найти различные экономические уклады, представляющие либо остатки прошлых, либо зародыш будущих формаций, которые по-разному взаимодействуют в конкретных условиях места и времени. Известно, что при разработке политической линии партии В. И. Ленин исходил из глубокого научного анализа экономических укладов России и своеобразия их связей на различных этапах ее истории. Это позволило В. И. Ленину, в частности, дать точную характеристику царизма как военно-феодального империализма.

Ленинское определение царизма как военно-феодального империализма точно устанавливало, что Россия уже вступила в эпоху империализма и объективно созрела для социалистической революции. В то же время в России сохраняются самые отсталые полукрепостнические отношения, которые ставят на повестку дня демократическую революцию. Следовательно, в стране существуют весьма благоприятные условия для союза рабочего класса с крестьянством, для перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Ленинское определение четко очерчивало программу действий для революционного пролетариата и его марксистской партии.

Итак, в истории общества, как и в развитии природы, детерминизм осуществляется через взаимодействие общего и особенного, сущности и явления. Всемирная связь явлений — не простая сумма причинных отношений, между причинными связями устанавливаются другие, более сложные взаимоотношения, которые иногда более важны для науки, чем сами причинные связи. В. И. Ленин считает, что познание должно идти от сосуществования к каузальности и от одной формы связи и взаимозависимости к другой, более глубокой, более общей [1].

Причинность лишь односторонне, отрывочно и неполно выражает всеобъемлющий и всесторонний характер мировой связи. Поэтому отыскание причин явлений есть

[1] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 203.

лишь часть задачи познания сложных отношений детерминации. Но познание причинных связей ведет в конечном счете к открытию порядка, лежащего в природе самих вещей, к открытию порядка, который опосредован внутренними отношениями сторон явлений, качеством объектов, их сущностью и структурой. Иначе говоря, перед познанием встает проблема установления закона движения вещей. Познание законов является высшей и конечной целью познания. Оно продиктовано потребностями практической деятельности людей.

ГЛАВА II

НЕОБХОДИМОСТЬ И СЛУЧАЙНОСТЬ КАК ОБЪЕКТИВНЫЕ СПОСОБЫ ДЕТЕРМИНАЦИИ ЯВЛЕНИЙ

Объективные факторы и связи явлений различаются не только по степени общности и существенности, но и по обязательности и принудительности, с которой они реализуются в действительности. Те связи, которые вытекают из внутренней природы вещей, из законов их развития или вызваны действием общих и существенных причин, являются необходимыми. Их отличительная особенность в том, что, при наличии соответствующих условий, они обязательно наступают и имеют принудительный характер, что дает основание уверенно ожидать от них вполне определенных результатов, т. е. предвидеть ход событий. Наоборот, случайные явления — это такие явления, которые могут быть, а могут и не быть, которые могут произойти так, а могут произойти иначе. В отличие от необходимых они не вытекают обязательно из данных условий или находятся с ними в отдаленной связи.

Однако случайность не только не исключает необходимости, а предполагает ее как свою противоположность, а необходимость в свою очередь предполагает случайность как форму своего проявления и как дополнение. Необходимость пробивает себе дорогу сквозь массу случайностей, а случайность имеет место на границе пересечения двух необходимых процессов, а также и внутри необходимого процесса. Случайное — одна из сто-

рон необходимого. Необходимость внутренне присуща также и случаю, отмечал Ф. Энгельс [1].

В отличие от механистического детерминизма диалектический детерминизм не обходит объективную случайность, а рассматривает ее в качестве момента объективной закономерности явлений. Случайность не беспричинна, она целиком укладывается в цепь причинности и сама неизбежно причиняет какие-то следствия. Значит всякая случайность подчинена всеобщему закону причинности и реализует его. Случайность, как увидим далее, участвует в реализации и других закономерных связей мира.

Случайность так же познаваема, как и необходимость, хотя для науки, как правило, важнее знать необходимость, т. е. то, что происходит закономерно, регулярно. Для познания случайности, так же как и для познания необходимости, важно прежде всего вскрыть причину данного события или процесса. Но этот факт говорит также о том, что знание одних причинных отношений не является достаточным для различения случайных явлений от необходимых. Гегель правильно отмечал, что причинное отношение, хотя и входит в состав необходимости, однако оно есть лишь одна сторона в процессе необходимости [2].

Известно, что в необходимой зависимости часто находятся такие явления или стороны явлений, которые не связаны между собой причинной связью. Так, например, разные следствия одной и той же причины или разные стороны одного и того же следствия, порожденного данной причиной, часто связаны между собой жесткой необходимостью. К. Маркс открыл, что «понижение нормы прибыли, вызываемое развитием производительной силы, сопровождается увеличением массы прибыли...»[3]. Понижение нормы прибыли и обесценение капитала, сопровождаемое одновременным увеличением массы прибыли, суть необходимо связанные между собой противоположные следствия одной и той же причины — развития производительных сил капиталистического общества.

Необходимость — понятие более широкое, чем причинность, ибо помимо причинных связей она присуща многим непричинным связям и отношениям. Существу-

[1] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 361.
[2] См.: Гегель. Соч., т. I. М., 1929, стр. 256.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. I, стр. 247.

ют, например, различного рода корреляции и функциональные отношения, когда изменение одних свойств или величин с необходимостью сопровождается изменением других свойств или величин, хотя между изменяющимися переменными нет отношений порождения или временно́го приоритета. Так, электропроводность металлов прямо пропорциональна их теплопроводности, однако не находится в причинной зависимости от последней.

С другой стороны, необходимость — понятие более узкое, чем причинность. В мире нет явлений беспричинных, но есть явления случайные, представляющие собой противоположный полюс необходимости. Значит необходимость не покрывает причинной зависимости явлений, а причинность не исчерпывает всего многообразия необходимых связей. Необходимость отличается от случайности как общее от единичного, т. е. прежде всего своей всеобщностью. «Необходимость *неотделима* от всеобщего»,— писал В. И. Ленин [1]. Необходимость — форма всеобщности в природе, отмечает Ф. Энгельс. Необходимость имеет место не только в отношениях между причиной и следствием, но и в отношениях причин между собой.

Необходимость есть общая, существенная сторона класса явлений, объективная тенденция их изменения, развития.

Но степень необходимости, как и степень общности, явлений различна, и по мере расширения круга явлений необходимость прежнего, менее широкого круга явлений перестает быть общей чертой расширившегося круга явлений и вытесняется необходимостью более широкого масштаба, которая и становится законом их движения. Так, например, морское судно выталкивается из воды с силой, равной величине вытесненной им воды. Здесь налицо необходимая связь, которая является общей для всех предметов, погруженных в воду. Однако эта же зависимость становится особенной в ряду аналогичных зависимостей между всякой жидкостью и погруженными в нее телами, ибо сила выталкивания определяется удельным весом жидкости. Так общее стало особенным, необходимое — случайным или исключительным.

Для диалектики превращение единичного в общее

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 72.

есть превращение случайного, исключительного в необходимое, закономерное. Относительность общего обусловливает относительность необходимого и закономерного.

Материалистическая диалектика отвергает представление об абсолютной, извечной и неизменной необходимости природы, которая играет роль предопределения, исключает всякую случайность, всякое самодвижение и самодетерминацию вещей, нарушающих предустановленный свыше и заранее порядок их движения и развития. Подобно тому как общее не существует вне отдельного, а внутреннее — без внешнего, так и необходимость не существует вне случайных изменчивых форм своего бытия.

Необходимость как общая и существенная, определяющая связь осуществляется через взаимодействие единичных, второстепенных, привходящих или вообще несущественных явлений и сторон действительности. Необходимость, как ведущая тенденция в развитии, реализуется лишь в богатстве реального содержания явлений. Уникальность индивидуальных процессов нельзя объяснить чистой необходимостью, которая по сути дела и существует-то только в познании. Например, объективный ход развития капитализма в ту или иную эпоху и в той или иной стране определяется не законами чистого капитализма, как они проанализированы в «Капитале» Маркса, а законами, действующими в данных конкретных условиях, которые необходимо изучить дополнительно, чтобы применять на практике. Марксистская теория предусматривает видоизменения темпа, порядка и формы проявления общих закономерностей общественного развития.

Метафизический детерминизм знает только однозначную необходимость, т. е. такую, которая реализуется только одним единственно возможным способом, исключающим какую-либо случайность. Закон природы отличается однозначной определенностью и не терпит «никакого исключения»,— писал И. Петцольдт, высказываясь как чистейший метафизик, который «понятия не имеет об относительности различия случайного и необходимого»,— отмечает В. И. Ленин [1].

В действительности всякая детерминация содержит необходимую и случайную стороны в их диалектичес-

[1] См: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 168.

ком единстве. В марксизме-ленинизме детерминизм связан с признанием относительной необходимости всякого конечного процесса, которая не отгорожена от случайности непроходимой стеной. В чем же относительность различия случайного и необходимого? В том, что грани между ними подвижны, условны. «... То, что утверждается как необходимое, слагается из чистых случайностей, а то, что считается случайным, представляет собой форму, за которой скрывается необходимость...»[1],— писал Энгельс.

Известно, что необходимость — это строго определенное следование событий, вызванное внутренними причинами и законами. Но не в деталях. Необходимость — это только общее, типическое в явлениях. Поэтому для нее характерна повторяемость только существенных черт, свойств и стадий развития. А так как это повторение происходит всякий раз в измененных условиях, то повторяемость и, следовательно, однозначность необходимости всегда приблизительна, относительна. Реальная необходимость есть единство в многообразии, есть сливающаяся в единство смена внутреннего и внешнего, писал Гегель[2]. В мире нет абсолютной, единственной и раз навсегда данной «чистой» необходимости, которая действовала бы исключительно внутри предмета, явления отдельно от внешнего, единичного и случайного.

В каждом реальном процессе внутренняя детерминация дополняется внешней детерминацией, необходимая — случайной и поэтому детерминизм осуществляется в диалектике внутреннего и внешнего, необходимого и случайного, единого и многого. Данное обстоятельство очень важно учитывать в решении практических задач.

Детерминизм включает случайность в себя, а не противостоит ей, как полагают некоторые ученые. Так, например, французский физик Вижье считает, будто «безграничная природа частиц навязывает диалектику детерминизма и случайности, которые никогда не могут быть полностью поглощены друг другом»[3]. В действительности случайность имеет своей противоположностью не детерминизм, а необходимость, и только четкое разграничение этих категорий способно привести к истине.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 303.

[2] См.: Гегель. Соч., т. I. М.—Л., 1929, стр. 246—247.

[3] См.: «Marxism today», 1966. Dec. I. P. Vigier. Rationality and Modern Science.

Механистический детерминизм знает только однозначную и внешнюю причинность, которую он отождествляет с необходимостью, а случайность выводит за пределы природы как что-то беспричинное, чудесное, непознаваемое. Механистический детерминизм разделяет идею ненарушимого, необходимого порядка мира, полагая, что из состояния и законов мира в данный момент времени можно с любой степенью точности вывести его последующие состояния. При этом основа нерушимого порядка рассматривалась заключенной в сцеплении причин и следствий. Но реальная мировая связь сложнее механической цепи причинно-следственных отношений, ибо звенья мировой связи обладают собственной жизнью.

Конечно, необходимое и случайное немыслимы вне причинно-следственных отношений. Если бы не было причинности, то отпала бы и сама проблема обоснованности и обязательности реализации той или иной причинной связи. Однако очевидно, что характер детерминации необходимости и случайности не одинаков. Если необходимость выражает относительно постоянные причинные связи явлений, то случайность есть продукт преходящих внешних или внутренних причин. Следовательно, порядок и упорядоченность множества явлений покоятся на связи необходимости и случайности как более глубокой связи, чем причинная зависимость.

Еще Эпикур, преодолевая фаталистический элемент в детерминизме Демокрита, ввел понятие внутренней обусловленности спонтанного отклонения атомов от прямой линии падения. К. Маркс высоко оценил эту сторону атомистики Эпикура как философское обоснование антифатализма [1]. Случайность — это побочный продукт необходимости и в то же время всеобщий, обязательный момент ее реализации. Необходимость часто рождается во взаимодействии случайностей. Примером этого являются статистические процессы.

Будучи следствием определенных причин и условий, случайность сама в свою очередь участвует в определении известного круга явлений, производя в них очень различные по масштабу и по характеру вторичные изменения, которыми нельзя пренебрегать ни в теоретиче-

[1] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 41.

ском, ни в практическом отношении. Случайность либо воздействует на необходимость, обусловливая ее уклонения от своего «чистого», однозначного выражения, либо выступает в качестве фактора усреднения взаимодействия множества компонентов и способствует тем самым обнаружению необходимости.

Идея о том, что помимо необходимости существует причинно-обусловленная случайность, нарушающая жестко и однозначно детерминированный порядок мира или же, напротив, несущая в себе закономерности особого рода, получила подтверждение еще в естествознании XIX в. Была выявлена роль случайности в необходимых процессах. Так, Дарвин доказал, что незаметные, случайные изменения организмов, полезные для них, закрепляются наследственностью, усиливаются в ходе эволюции и вызывают изменение вида. Случайные различия превращаются, таким образом, в необходимые признаки нового вида.

Ч. Дарвин обосновал тезис о неопределенной изменчивости, связав его с законом естественного отбора. Неопределенный характер наследственной изменчивости вызывается тем, что она опосредствуется и внешними факторами, и внутренней спецификой организма. Взаимодействие организмов со средой носит избирательный характер. Эта избирательность является формой выражения более общей закономерности, заключающейся в том, что природа самого явления определяет специфический круг воздействий, которым оно может подвергнуться [1]. Например, стекло не растворяется в серной кислоте, а медь растворяется. Всякий живой организм стремится сохранить постоянство своей внутренней среды в изменяющихся условиях жизни. Об этом свидетельствуют такие константы, как уровень сахара в крови, постоянство кровяного давления и т. п. Поэтому, при всей обусловленности внешними факторами, все явления имеют свою внутреннюю логику развития.

Учение Дарвина нанесло сильный удар по ламаркизму, который воздействие среды на изменение наследственности возвел в абсолют и толковал как однозначный детерминизм. Попытка реставрации однозначного детерминизма Ламарка была предпринята академиком

[1] См.: С Л. Рубинштейн. О мышлении и путях его исследования. М, 1958, стр. 8.

Т. Д. Лысенко и его сторонниками, которые резко противопоставили необходимость случайности в биологии, объявили случайность врагом науки, а ученых, которые учитывали роль случайности в развитии видов, например Менделя, обвинили в мистицизме.

Огромное значение для разработки диалектического детерминизма имели исследования Маркса в области политической экономии. Маркс раскрыл механизм действия закона стоимости при капитализме, показав, что определение (детерминация) стоимости товаров общественно-необходимым трудом осуществляется через случайные колебания цен, вызываемые динамикой спроса и предложения.

Случайное, как и необходимое, является объективной реальностью и может выступать как внешнее, так и внутреннее. Его существование в мире вытекает из того самого факта, что материальный мир является причиной самого себя, обладает внутренней противоречивостью, самодвижением и жизненностью, которые проявляются в каждой конкретной вещи, в каждом конкретном явлении. «Всякая конкретная вещь, всякое конкретное нечто стоит в различных и часто противоречивых отношениях ко всему остальному, ergo (следовательно. — *Ред.*), бывает самим собой и другим»[1].

Огромным приобретением диалектического детерминизма является доказательство того, что противоречие есть корень всякого движения и жизненности, а следовательно, и показатель устойчивости, обоснованности и необходимости материальных структур и систем. «... Нечто жизненно, лишь поскольку оно содержит в себе противоречие и есть именно та сила, которая в состоянии вмещать в себе и выдерживать это противоречие. Если же нечто существующее не в состоянии в своем положительном определении вместе с тем перейти в свое отрицательное и удержать одно в другом, если оно не способно иметь в самом себе противоречие, то это нечто не есть живое единство, не есть основание, но в противоречии идет к гибели»[2]. Нéчто жизненно, если оно способно к самообновлению,— такова мысль Гегеля.

Противоречивость явления может быть как условием его жизненности, так и условием его гибели, может об-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр соч., т. 29, стр. 124.
[2] Гегель. Соч., т. I. М., 1937, стр. 521.

условливать необходимость возникновения и развития, постоянного обновления явления, но может и лишать его этой необходимости. Надо всегда учитывать противоречивую основу взаимосвязи необходимого и случайного и брать эти категории в развитии и единстве, во взаимных превращениях. В каждом конкретном явлении их соотношение может быть различным. В одних процессах преобладает типическое и необходимое, а в других — индивидуальное и случайное. Например, в микромире сравнительно с макромиром отмечается существенное увеличение роли случайности и уменьшение роли необходимости в обусловливании механического движения объектов и увеличение роли необходимости и уменьшение роли случайности в определении физических свойств объектов [1].

Марксистская философия отмечает изменчивый, преходящий характер исторической необходимости. В истории общества каждая ступень необходима и имеет свое оправдание для того времени и для тех условий, которым она обязана своим происхождением. Но она лишается необходимости и становится непрочной в новых, более сложных условиях, постепенно развившихся в ее недрах. Она вынуждена уступить место более высокой ступени, которая в свою очередь также приходит в упадок и гибнет [2].

Необходимость как совокупность устойчивых факторов бытия по мере развития неразрешимых для данной системы противоречий уступает место новой необходимости и превращается в случайность. «Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества»[3].

Например, необходимость замены капитализма социализмом не могла появиться раньше, чем развитие самого капитализма создало материальные предпосылки для такой замены. Однако когда победа социализма стала объективной необходимостью развития всего человечества, то для отдельных стран уже нет необходи-

[1] См.: «Коммунист», 1966, № 16, стр. 40.
[2] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 276.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 7.

мости проходить стадию капитализма или повторять все ступени развития общества. Более общая необходимость развития целого подчиняет себе необходимость развития частей.

«Мир есть закономерное движение материи...»,— писал Ленин [1]. В мире закономерно меняются и изменяются не только внешние проявления вещей, но и их существенные, самые глубокие основы. Все, кажущееся вечным и незыблемым, покоится на непрерывно изменяющейся основе и оказывается временным и преходящим. Историческая необходимость также и даже более, чем какая-либо другая необходимость, опосредствована условиями.

Необходимое в одних условиях может утратить свою необходимость в других, изменившихся условиях. Мера устойчивости необходимых связей зависит как от внутренних, так и от внешних условий. Более ста лет назад, после реформы 1861 г., развитие экономики России необходимо пошло по капиталистическому пути. Ни внутри страны, ни вне ее не было таких социальных сил, которые смогли бы направить это развитие по иному, некапиталистическому пути. Но прошло немногим более пятидесяти лет и капитализм в России утратил свою объективную необходимость и был свергнут пролетарской революцией, которая сама явилась выражением исторической необходимости социалистических преобразований, подготовленных внутренними и внешними условиями.

В современную эпоху общественной жизни страны, освобождающиеся от колониальной зависимости, располагают необходимыми предпосылками для того, чтобы избрать некапиталистический путь развития. Однако для многих из них эта необходимость еще не стала неизбежностью, а, главное, парализуется происками реакционных сил мировой системы капитализма.

Диалектическая философия разрушает все представления об абсолютном состоянии человечества, для нее нет ничего раз и навсегда установленного, безусловного, святого. На всем и во всем она видит печать неизбежного падения и гибели, указывал Энгельс.

Идея непрекращающегося, диалектического развития мира есть идея творческая и созидательная, ибо оче-

---

[1] В. И. Ленин Полн. собр. соч., т. 18, стр. 174.

видно, что только изменяющийся мир можно мыслить как изменяемый. Только в том случае, когда необходимость или разумность общественного порядка не абсолютна, а относительна, не вечна, а преходяща, для людей, осознавших негодность отжившего общественного строя, открывается возможность свободной деятельности по утверждению нового общественного строя, необходимость которого созрела.

Марксистская философия вскрывает также несостоятельность и волюнтаризма. Для нее свобода не идентична произволу, ибо основание свободы лежит не в сознании людей, а в объективной действительности.

Понятие свободы часто употребляется и естествоиспытателями. Например, физики говорят о степенях свободы физических систем. В связи с этим известный аргентинский философ-материалист М. Бунге полагает, что свобода в широком смысле слова не обязательно должна быть осознанной, свобода заключается в закономерной самодетерминации, существующей на любом уровне реальности [1].

Разоблачая индетерминизм как основу волюнтаризма всякого рода, М. Бунге подчеркивает, что свобода не является отрицанием детерминизма, а есть его форма, что «она представляет собой победу закономерной самодетерминации над внешним принуждением и давлением, соответствующей в свою очередь другим законам»[2]. Нет абсолютной самодетерминации, т. е. нет абсолютной свободы, рассуждает М. Бунге, но нельзя отрицать элемента свободы в каждом существующем предмете (как выражения всеобщего свойства активности материи), ибо тогда свойство сознания принимать самостоятельные решения было бы необъяснимым.

Выраженная здесь мысль, несомненно, содержит в себе рациональное зерно, но вместе с тем и упрощает действительность, так как объективные предпосылки свободы возведены здесь до степени самой свободы. Правильно подчеркивая известное единство проявлений свободы в поступках и действиях человека с фактами самодетерминации в живой и неживой природе, было бы ошибочно отождествлять их, так как понятие свободы относится лишь к проявлениям сознательной, целена-

---

[1] См.: М. Бунге. Причинность, ИЛ, 1962, стр. 34.
[2] Там же, стр. 129.

правленной деятельности людей. Способность человека принимать свободные решения, отличать свободные поступки от вынужденных возникла, разумеется, не в отрыве от объективного детерминизма и не в результате его отрицания, а как форма проявления объективного социального детерминизма. Понятие свободы противостоит понятиям господства и принуждения, а не понятиям детерминизма и закономерности, как представляют себе философы-идеалисты. Детерминизм и закономерность не только не исключают свободу, а предполагают ее и объективно создают для нее условия, оставляя место для процессов и действий, способных изменить ход событий. Так как существование «чистой» или абсолютной необходимости практически исключено и всякая необходимость проявляется через случайность, т. е. представляет собой возможность с определенной степенью вероятности, то существует и основа для свободы, т. е. для направленного изменения хода событий. Полярность категорий свободы и необходимости чувствовали уже французские материалисты, но они превратно истолковали ее, ошибочно полагая, что человек не может быть свободен, так как он подчинен действию законов и, следовательно, находится во власти неумолимой необходимости, во власти рока. Чувство свободы — это «иллюзия, которую можно сравнить с иллюзией мухи из басни, вообразившей, сидя на дышле тяжелой повозки, что она управляет ходом этой повозки, которая несет ее самое. Человек, который воображает себя свободным, есть муха, вообразившая, что она управляет движением мировой машины, на самом же деле именно эта машина вовлекает в круг своего движения человека без его ведома»[1].

Однако народное творчество создало и такие фабулы, в которых остроумно высмеивается представление о человеке как простой марионетке, подергиваемой неукротимыми силами природы или истории, обрекающими его на конформизм, на пассивное приспособленчество к объективной необходимости. В сказке о двух лягушках, попавших в бочку со сметаной, одна из лягушек «смирилась» с неизбежностью гибели и покорно пошла ко дну. Другая же стала перебирать лапками, пока сметана не сбилась в масло. Действия второй лягушки как

[1] См.: Гольбах. Система природы, стр. 105.

бы доказывают, что объективная необходимость не означает безвыходности для сил, подверженных ее действию, что необходимость всегда осуществляется в борьбе возможностей, что поэтому всегда есть выбор между различными возможностями. И выбор этот в природе осуществляется стихийно, в борьбе слепых сил, а в обществе он делается людьми, способными познавать законы изменения и преобразования явлений.

Механистический детерминизм берет необходимость как однозначную предопределенность, не имеющую иной возможности, кроме той, которая вытекает из неизменного порядка вещей. Отсюда — отрицание свободы. Однако свобода невозможна и при отрицании или игнорировании объективной необходимости.

Свобода и необходимость диалектически связаны друг с другом и взаимодействуют друг с другом. Не существует такой свободы, которая ни относилась бы к какой-либо необходимости. Быть свободным — значит как раз господствовать над закономерностями, значит использовать их в интересах человека. Быть свободным — значит иметь возможность воздействовать на ход истории. Однако для этого необходимы объективные предпосылки, которые в конечном счете детерминированы состоянием общественных производительных сил, и субъективные предпосылки в виде, прежде всего, более или менее всестороннего и адекватного познания закономерностей развития общества. Объективные предпосылки, или, иначе говоря, возможности свободы, складываются вне и независимо от воли и сознания людей, не проходя через сознание людей. Но для превращения в действительность они обязательно должны пройти через сознание, отразиться в головах людей в форме осознанного и мотивированного стремления к лучшему будущему.

Детерминированность вещей и явлений, а также человеческих действий никоим образом не отрицает человека как личности и его относительно самостоятельной роли в объективной связи явлений.

Объективность социального детерминизма состоит в том, что действия и поступки людей определяются совокупностью условий, обстоятельств и отношений, в которых они находятся, что люди не свободны в выборе той или иной общественной формы, не могут произвольно избирать направление, в котором развивается общество.

Объективные законы истории и прежде всего законы и потребности развития производительных сил общества определяют как существующие в данный момент, так и идущие им на смену производственные отношения, а эти последние в свою очередь определяют весь общественный строй и соответствующие взгляды и учреждения.

Объективность социального детерминизма состоит, далее, в том, что общество не может произвольно перескочить через естественные фазы своего развития, т. е. через те фазы, которые определяются предшествующей историей страны и конкретными условиями эпохи. Характерно в этом отношении то, что попытки некоторых политиков навязать истории свои произвольные схемы развития оканчивались либо полнейшим провалом, либо наносили большой ущерб поступательному развитию общества.

Объективность социального детерминизма не означает, что люди бессильны перед законами истории. Если законы истории нельзя отменить или привнести их в общественную жизнь из головы, то их можно познать и использовать в практической деятельности. А в сознательном, целенаправленном воздействии на ход событий и выражается свободная активность народных масс, классов и отдельных личностей. Опыт истории учит, что всякое умаление сознательной активности, проповедь стихийности и самотека только затрудняют осуществление задач исторического прогресса, ибо фактически направлены против объективных требований социального детерминизма.

Враги научного социализма неоднократно предпринимали попытки интерпретации марксизма в духе механистического детерминизма и фатализма. Такими, например, были взгляды русских «экономистов» начала XX в., которые сводили историю к автоматическому действию экономического фактора. Такова «теория производительных сил» К. Каутского, согласно которой развитие производительных сил само собой рано или поздно преобразует капиталистическое общество в социалистическое. Неверно также представление, будто стихийное рабочее движение само собой, даже не руководимое коммунистической партией и не соединившись с научным социализмом, пусть через долгие блуждания, может прийти к социализму.

История развивается не по заранее заданному марш-

руту. В истории общества вообще ничего не может совершаться вне и помимо деятельности самих людей, являющихся, по выражению Маркса, и авторами, и актерами своей исторической драмы. Объективные законы, историческая необходимость общественного развития реализуются только через деятельность людей, через взаимодействие и борьбу различных и даже противоположных возможностей, превращение которых в действительность зависит от интересов, а также и от сознания и воли определенных классов, социальных групп и личностей. Даже в тех формациях, где объективные законы носят стихийный характер, они реализуются через деятельность людей, сознание и воля которых, таким образом, и здесь участвуют в историческом процессе.

В истории общества борьба противоположных тенденций, столкновение противоположно направленных воль и стремлений в значительной мере определяют проложит ли закон себе дорогу или же действия его будут ограничены и модифицированы.

Практическая деятельность людей, с марксистской точки зрения, сама является специфической формой детерминации явлений и вместе с тем ареной проявления субъективности и свободы человека.

Детерминизм природных и общественных явлений отнюдь не отрицает способности людей изменять мир, вторгаться в закономерные связи явлений, управлять ими.

Господство над человеком определенных объективных явлений и сил часто объясняется не отсутствием возможностей овладения этими силами и явлениями, а незнанием этих возможностей. Поэтому развитие науки и познания вообще, их использование в интересах человека является предпосылкой функционирования социального детерминизма.

XXIV съезд КПСС поставил перед партией и советским народом задачу всестороннего развития творческой активности советских людей, всех трудящихся, как важнейшего условия успешного строительства коммунизма. Важнейшей предпосылкой развития социальной активности является дальнейшее проникновение в законы общественного развития, развитие общественных наук.

В строгом смысле слова свобода есть понятие социальное. Только в развитии общества самоутверждение нового проявляется как сознательное движение, как со-

знательное выражение необходимости победы нового общественного строя над старым. Тем не менее взаимоотношение между необходимостью и свободой в общественной жизни является частным случаем взаимоотношения необходимости и случайности, а объективная диалектика необходимости и случайности является основанием диалектики должного и желаемого, непреложного и избираемого.

Свобода так же объективно обусловлена, как и необходимость, которую она предполагает как свою противоположность и в которую она превращается. Без этого нельзя правильно понять историю общества. Например, освобождение всех народов мира от капиталистического гнета и утверждение самого справедливого и свободного общественного строя, коммунизма, является в наше время насущной исторической необходимостью и объективной неизбежностью, как несколько веков назад была неизбежна победа буржуазного строя над феодализмом, явившаяся шагом вперед по пути исторического прогресса. Следовательно, свобода всегда есть продукт исторического развития. Свобода детерминирована, т. е. органически входит в исторический детерминизм, а не выпадает из него, как полагают философы-идеалисты. «... Необходимость не исчезает, становясь свободой»[1],— пишет В. И. Ленин, а только обнаруживает при этом свою тождественность свободе.

Успехи освободительных движений народов и расцвет свободы при социализме являются убедительным доказательством того, что историческая необходимость не тождественна «с принудительным, безвыходным положением людей»,— пишет В. И. Ленин [2].

Фаталист полагает, что человек волен изворачиваться и вилять перед объективной необходимостью, но бессилен овладеть ею, и объективный результат его действий строго предопределен и человеку не подвластен. Фаталист приравнивает необходимость к всесильному року, к произволу судьбы, к лотерее, к господству слепого случая. В действительности необходимость не содержит в себе заведомой антигуманности, напротив, именно необходимый ход объективных процессов является надежной ареной творческой созидательной дея-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 146.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 200.

тельности человека, объективной предпосылкой его свободы.

Фатализм абсолютизирует необходимость и низводит ее до уровня случайности. Поэтому очень важно четко различать необходимую детерминацию от случайной. Если случайность детерминирует ход событий однократным нерегулярным и неопределенным образом, то необходимость детерминирует всеобщим, устойчивым и определенным образом и тем самым заключает в себе надежную основу для преобразующей деятельности человека. Но и случайность далеко не всегда неподвластна человеку. Если удалось вскрыть стоящую за случайностями необходимость, случайность можно предвидеть и направить ее действие в желательную сторону. Это обусловлено тем, что детерминизм всегда выступает как единство определенного и неопределенного, охватывает разные уровни и порядки обусловленности явлений.

Своеобразную форму принимает необходимость в массовых, статистических процессах, какими являются в значительном числе случаев социальные процессы. Здесь необходимость выступает в качестве атрибута массы явлений, а не отдельного единичного явления и реализуется лишь через распределение массовых событий. Благодаря этому необходимость здесь всегда связана с вероятностью, т. е. реализуется как вероятность наступления тех или иных единичных событий, и поэтому не имеет однозначного характера.

В массовых процессах необходимость реализуется через взаимодействие большого числа единичных, случайных и относительно независимых друг от друга явлений. Как выражение общего или, точнее, суммарного в отдельных, случайных явлениях или событиях статистическая необходимость складывается в форме равнодействующей средней взаимопогашения индивидуальных отклонений в поведении компонентов системы. Так, например, «нормы прибыли, господствующие в различных отраслях производства, первоначально весьма различны. Эти различные нормы прибыли выравниваются путем конкуренции в единую общую норму прибыли, представляющую собой среднее из этих различных норм прибыли»[1].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. I, стр. 172.

Открытие статистических процессов позволило конкретизировать диалектику необходимости и случайности. В статистических, так же как и в динамических, процессах случайность является формой проявления необходимости. Однако если в динамических процессах каждое единичное событие (например, лунное затмение в таком-то году) является вместе с тем отдельным случаем в общей необходимой связи, то в статистических процессах необходимость прокладывает себе путь в массе однородных и относительно независимых объектов или событий лишь через толщу взаимодействующих случайностей, каждая из которых в отдельности отнюдь не представляет необходимости. Так, мелкие наследственные изменения, незаметные мутации в процессе биологической эволюции организмов являются сырым материалом для естественного отбора, выступающего в качестве объективной необходимости развития биологических популяций. Составляющие статистический ансамбль объекты сосуществуют в пространстве или сменяют последовательно друг друга во времени, и хотя они взаимодействуют в этом коллективе, однако непосредственно не зависят друг от друга, и поведение каждого из них носит случайный характер по отношению к поведению другого. Таково, например, поведение молекул газа, заключенного в сосуде.

Отсутствие тесных связей между компонентами ансамбля является существенным признаком статистического коллектива. Было бы ошибкой видеть в статистическом коллективе целостную органическую систему с неразрывной связью элементов, ибо под такое определение подпадали бы, например, живые организмы. В отличие от динамических процессов, где необходимость целиком включена в отдельные явления, в статистических процессах необходимость распределена между многими объектами и распределена неравномерно и вероятностным образом. В то же время и случайность в статистических процессах обладает такой особенностью, что только при частом повторении она становится носителем статистической необходимости. Неравномерность распределения необходимости в многократно повторяющихся случайностях является выражением специфики взаимодействия относительно автономных процессов, хотя обусловлена также влиянием и

внешних факторов. Главное же — структура отношений внутри совокупности событий.

Статистические процессы отнюдь не беспричинны. Более того, в этих процессах имеет место чрезвычайно сложное переплетение и взаимосочетание общих и частных, постоянных и преходящих причин, определяющих поведение статистических объектов. С одной стороны, общие и постоянные условия существования объектов определяют свойственную им однородность, а специфические причины определяют спонтанность и неупорядоченность в поведении отдельных объектов, их различную и часто противоположную роль в определении общего результата. В итоге происходит так, что необходимое и устойчивое определение результата осуществляется через постоянные нарушения упорядоченности в поведении отдельных объектов.

Причинная обусловленность в статистических процессах проявляется в форме устойчивых частот наступления определенных результатов, которые можно вычислить методами статистики. Такой вид причинности получил название статистической, или вероятностной, причинности. Ее объективный характер несомненен. Существование самой объективной вероятности наступления такого-то события в массовом процессе было бы невозможно при отсутствии причинной обусловленности.

Однако своеобразие статистической детерминации состоит в том, что необходимость наступления определенного события в статистическом коллективе является необходимостью всей совокупности, а не отдельных объектов, составляющих эту совокупность, в том, что необходимость распределена в массе случайностей и реализуется лишь во взаимоотношениях случайностей, так что при распадении ансамбля перестает существовать и данная необходимость. Значит объекты, составившие статистический коллектив, образуют своеобразную, но вполне определенную систему, обладающую такими свойствами и структурой, которых нет у ее компонентов.

Статистический коллектив — не простая механическая сумма объектов, а система объективных связей, представляющих общие условия поведения ее объектов и так или иначе детерминирующих это поведение. Поэтому нет никакого основания говорить об абсолютной неопределенности, индетерминизме в поведении статистических объектов. Случайные и на первый взгляд

«произвольные» отклонения в поведении объектов не безграничны, не беспредельны, а ограничены соответствующими общими условиями (например, географическими условиями обитания для биологических популяций или уровнем развития производительных сил и характером производственных отношений для человеческого общества). Наличие статистической необходимости свидетельствует об упорядоченности и определенности случайных вариаций поведения объектов. С другой стороны, статистическая закономерность проявляется тем полнее, чем больше объектов входит в статистическую совокупность и чем менее упорядоченный характер носит поведение этих объектов в рамках совокупности. Необходимость и случайность взаимно обусловливают и дополняют друг друга, и в этой полярной противоположности и раздвоении находит свое выражение статистический детерминизм.

Итак, наиболее характерной чертой и предпосылкой существования статистической системы является отсутствие тесной, однозначной связи между компонентами ансамбля. Однако свобода в поведении компонентов не абсолютна, не безусловна, а включена в систему условий существования ансамбля, т. е. ограничена повторяемостью, распределением частоты признаков, временны́х интервалов и т. п.

Статистическая система характеризуется, далее, равенством, идентичностью компонентов ансамбля. Но и эта характеристика не абсолютна. Объекты совокупности в индивидуальных чертах, вообще говоря, могут различаться в довольно широком диапазоне. Если, например, молекулы газа не имеют почти никаких различий, то люди одного и того же общества имеют явно выраженные индивидуальные черты. Вместе с возрастанием индивидуальных различий компонентов системы растет многообразие общих и необходимых связей, усложняется структура системы, сложнее становятся причинные связи внутри и вне системы.

Итак, системность, т. е. упорядоченность, имеет место как в однозначных необходимых процессах, где роль случайностей невелика, так и в статистических ансамблях, где роль случайностей очень велика. В противном случае были бы невозможны такие открытия науки, как уравнение Шредингера для расчета вероятности нахождения электрона в заданном объеме пространства.

ЗАКОН КАК ФОРМА ДЕТЕРМИНАЦИИ ЯВЛЕНИЙ

Признаки закономерной детерминации. Что же такое закон и каково его место в детерминации процессов? Является ли закономерность частным, локальным или всеобщим признаком всемирной связи и взаимообусловленности явлений? Исключает ли закономерность неопределенность случайного или предполагает ее как свою противоположность?

Проблема закономерности мирового развития является предметом острой борьбы материализма с идеализмом, диалектики с метафизикой. Новые доказательства науки относительно изменчивости всех известных ей материальных образований нередко рождают в сознании философов-идеалистов идею мирового хаоса, идею господства в мире слепого и непознаваемого случая. Так, персоналист Флюэллинг пишет: «Потрясающие представления о реальности, главной характеристикой которой является не неизменность, а постоянное изменение, на первый план выдвигает факт случайности, свободы и новое значение могущества выходящей за пределы времени личности»[1].

Персоналист не представляет себе возможность какого-либо порядка в природе без вмешательства вневременной личности, т. е. бога. Однако любая идея божественного разума, божественного порядка в природе является лишь фантастическим, извращенным отражением объективной закономерности материального мира. Вся история естествознания является наглядным свидетельством того, что развитие природы, материи совершается не хаотически, а в относительном порядке. Об этом говорит уже тот факт, что на Земле за осенью всегда следует зима, что Земля движется вокруг Солнца всегда по эллипсу (а не так, чтобы то по эллипсу, то по кругу) и обращается вокруг Солнца именно за один год, а не так, чтобы то за год, а то за четверть часа.

Сам факт материального единства мира означает, что в природе все закономерно обусловлено, что в ок-

[1] «The Personalist», Vol. XXXIV, 1953, № 1, p. 6.

ружающем нас мире действуют законы, имеющие силу для всех материальных реальностей, и говорить о господстве хаоса и случайности в мире нет никаких оснований. В. И. Ленин замечает: «Все vermittelt=опосредствовано, связано в едино, связано переходами. Долой небо — закономерная связь *всего (процесса)* мира»[1]. Мир есть закономерное движение материи.

Что же понимает марксистская философия под законом?

Диалектический материализм освободил понятие закона от его механистической ограниченности. Старые материалисты, как, например, Демокрит, отождествляли понятие закона с причинностью и необходимостью. Нередко и в наше время ученые полагают, что описание любой конкретной причинной связи уже есть открытие закона.

Конечно, между причинностью и законом есть общее, так как то и другое есть отношение между явлениями и к тому же необходимое отношение. Однако если в любом причинном отношении следствие необходимо вытекает из причины, то далеко не каждое причинное отношение является необходимым и закономерным в совокупности явлений. Причинная связь только тогда закономерна, когда она является общей для многих процессов, когда она устойчива и повторяется. Отличительной чертой закона и является как раз то, что закон выражает общее в явлениях, выражает то, что объединяет явления между собой. По определению Ф. Энгельса, закон есть форма всеобщности в природе[2].

На различие между законом и причинностью обращает внимание и М. Борн. В частности, он пишет: «Капиталистическая система есть причина экономических кризисов» и «Экономический кризис 1930 года был порожден паникой на Нью-Йоркской бирже»[3]. Первое предложение формулирует причинный закон, действующий в каждом капиталистическом обществе, а второе предложение указывает непосредственную причину, вызвавшую данное конкретное явление. Единичная причинная связь не является законом, так как в своей конкретности она неповторима. А закон есть общая, необ-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 92.

[2] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 549.

[3] М. Борн. Физика в жизни моего поколения. М., 1963, стр. 191.

ходимая, повторяющаяся связь явлений. Пуля ударила в стекло, стекло разбилось. Здесь явная прямая причинная связь. Но это еще не закон. Пуля могла удариться, например, в толстую стенку из искусственного стекла и остаться в ней. Одна и та же причина дала бы разные результаты.

Но в обоих этих примерах причинных отношений есть и общее, свидетельствующее о действии закона или ряда законов. Полет пули подчиняется законам баллистики. Отношение между кинетической энергией снаряда (пули) и поражаемой им целью также носит строго закономерный характер. Получается, что один и тот же конкретный процесс детерминирован не одним, а несколькими законами. Кроме того, он детерминирован и случайными факторами. Ведь единичный процесс не охватывает ни одного закона во всей его всеобщности. А поскольку закон есть существенное отношение или отношение сущностей, то всякая причинная связь в каком-то отношении закономерна, хотя не всякая закономерная связь причинна по своей форме.

Не подрывает ли существование такого рода законов всеобщего принципа причинного детерминизма? Такой именно вывод пытаются обосновать буржуазные ученые и философы. Так, А. Эддингтон говорит о неизбежности постепенного исчезновения детерминизма из теоретической физики. Английский философ Рассел считал, что научный закон постоянен и устойчив не потому, что в его основе лежит связь причин и действий, а потому, что он может быть выражен дифференциальными уравнениями. Однако все эти усилия тщетны. Дело в том, что обратимые функциональные связи данной системы, которые внешне противоречат необратимым причинным изменениям, составляют лишь момент необратимых изменений в системе более высокого порядка. Так что в конечном счете всякий закон покоится на причинной связи.

Закон — это не только общее, существенное, но и необходимое отношение. Необходимость, присущая закону, есть результат того, что он всегда действует на базе определенных необходимых условий, чем и обусловливается его прочность и устойчивость. «Закон есть прочное (остающееся) в явлении», — пишет В. И. Ленин[1].

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 136.

Так, например, на базе частной собственности на средства производства неизбежно рождаются отношения эксплуатации человека человеком и начинает действовать закон классовой борьбы.

Коль скоро объективные условия породили данный закон, то его нельзя ни уничтожить, ни отменить. Он будет действовать с принудительной силой и с большой устойчивостью до тех пор, пока существуют эти условия. Например, там, где происходят химические процессы, действует закон постоянства состава химических соединений, так что, каким бы путем ни образовывалось данное химическое соединение, его состав будет всегда один и тот же.

В истории человечества действует открытая Марксом закономерность, что если общество напало на след естественного закона своего развития, оно не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить их декретами. Но оно может сократить и смягчить муки родов [1].

Значит прочность, устойчивость закона выражается прежде всего в том, что в ходе разнообразных изменений явления сохраняются его существенные черты, сохраняется определенная последовательность стадий его развития. Но этим дело не исчерпывается. С прочностью, устойчивостью закона связана и такая его черта, как повторяемость. Речь идет, конечно, не об абсолютном повторении характерных черт или стадий развития данного процесса в другом. Абсолютной повторяемости нет ни в обществе, ни в природе.Различаются между собой даже одинаковые элементарные частицы материи. Нет двух одинаковых живых клеток в организме, двух одинаковых листьев на дереве. Ни одно явление, благодаря своей многогранности и неисчерпаемости, не может нигде и никогда воспроизводиться полностью во всей своей тотальности. Однако все это не снимает принципа относительной повторяемости. Бесспорным является то, что в развитии и смене явлений, относящихся к одному классу или группе, повторяются существенные черты и отношения, которые определяют своеобразие этих явлений. Например, при делении органических клеток воспроизводятся характерные признаки первоначальной

---

[1] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 10.

клетки. Онтогенез есть сокращенное повторение филогенеза. С другой стороны, жизнь рода есть воспроизводство особей этого рода. Виды отличаются исключительной стабильностью, которая дополняется постоянными случайными изменениями в онтогенезе. Живые организмы всегда индивидуальны, но они стареют, приобретают новые признаки, фиксируют в себе результаты жизненного опыта. Сложный генетический код непрерывно расстраивается и генетическая информация искажается, создавая основу для возникновения мутаций.

Роль мутаций в развитии видов огромна. Ведь механизм естественного отбора может вступить в действие только на базе мутаций, т. е. случайных, полезных или вредных, нарушений заданного наследственным кодом направления эволюции. Если бы не было арсенала этих мутаций, то практически была бы невозможна эволюция видов. Значит мутации как вид случайных изменений совершенно необходимы для развития жизни на Земле. Виды, которые не способны дать мутации как необходимого арсенала эволюции, не имея нужного запаса изменчивости, вымирают. Так вымерли мамонты, не сумевшие приспособиться к быстрому похолоданию Земли.

Генетический код относится к микромиру, его искажения случайны, непредсказуемы и неопределенны. А естественный отбор, наоборот, действует в большом количестве организмов и приводит к повторимым, статистически достоверным результатам. Здесь мало случайного, непредсказуемого. Этот пример показывает, что общие, повторяющиеся черты явлений существуют в индивидуальных и неповторимых изменениях, и поэтому они никогда не имеют абсолютного характера. Повторяемость не только не исключает, а, напротив, предполагает индивидуальное и неповторимое.

Многие философы в прошлом и в наше время не видели или не хотели признавать диалектики индивидуального и повторимого и, наталкиваясь на случайность, на отсутствие абсолютной повторяемости, используют этот факт в качестве аргумента для отрицания детерминизма. Например, Б. Рассел, ссылаясь на отсутствие полной повторяемости в природе, пытался показать, будто закон причинности есть нечто «воображаемое», так как одна и та же причина не производит абсолютно равного действия. Основатель кибернетики Н. Винер пишет: «Мы жи-

вем в вероятной Вселенной, случай есть основной элемент устроения Вселенной»[1].

Особенно часто к этому аргументу прибегают в области социологии, где партийность позиции буржуазной выражается с наибольшей ясностью. История общества, по мнению многих буржуазных социологов, представляет собой лишь смену и чередование единичных событий и эпизодов, между которыми нет никакой закономерной зависимости. Поэтому социальная наука вынуждена довольствоваться рассмотрением однократных, индивидуальных явлений, группируя их надлежащим образом для достижения ясности и отчетливости понимания.

Например, А. Шопенгауэр писал, что история вместо субординации познанного знает только его координацию и, хотя является знанием, не является наукой[2]. Историк Э. Майер в своей «Истории древнего мира» (1884) утверждал, будто ни один историк не открыл еще ни одного закона истории, ибо здесь господствует случай и свободная воля одиночек, исключительно индивидуальные условия, которые лишены всякой закономерности[3]. В XIX в. неокантианцы Виндельбанд и Риккерт, ссылаясь на однократность и бесподобность исторических событий, утверждали, что история и закономерность взаимно исключают друг друга, что понятие исторического закона в строгом смысле слова вообще недопустимо. В настоящее время эту точку зрения повторяет К. Ясперс, для которого историческая наука в отличие от естественных наук, изучающих общее, изучает отдельные события[4].

Однако развитие социальных наук, так же как вся история естествознания, убеждает в том, что индивидуальное и всеобщее, повторяющееся и неповторимое не исключают друг друга, а образуют неразрывное единство, что рождающиеся в развитии сходных социальных процессов особенности и частности, а также новые социальные связи между ними не отменяют принципа повторяемости и нисколько не противоречат детерминизму в истории общества.

---

[1] Цит. по кн.: М. Гус Модернизм без маски. М., 1966, стр. 32.

[2] См.: A. Schopenhauer. Die Welt als Wille und Vorstellung. Bd. 2. Leipzig, S 501.

[3] См.: E. Meyer. Geschichte des Altertums, Bd. 1, h. 1. Stuttgart und Berlin, 1910, S. 211.

[4] См.: K. Jaspers und K Rossmann. Die Idee der Universität. Berlin, 1967, S. 97.

Повторяемость в истории общества существует как в пространстве, так и во времени. Например, капиталистический строй любой страны характеризуется такими чертами, как: эксплуатация наемного труда капиталом, разорение и пролетаризация мелких собственников, концентрация и централизация капитала. Повторяемость в развитии капитализма выражается в непрекращающемся воспроизводстве капитала и наемного труда, производительных сил общества и капиталистических производственных отношений. «Какова бы ни была общественная форма процесса производства, он во всяком случае должен быть непрерывным, т. е. должен периодически все снова и снова проходить одни и те же стадии...»,— писал Маркс в «Капитале» [1].

В. И. Ленин отмечал, что открытие производственных отношений как экономической структуры общества и базиса всех других общественных отношений позволило применить к общественным порядкам общенаучный критерий повторяемости, который отрицали субъективные социологи народничества. «...Анализ материальных общественных отношений сразу дал возможность подметить повторяемость и правильность и обобщить порядки разных стран в одно основное понятие *общественной формации*»[2].

Итак, для каждого социального организма характерны такие типические черты и отношения, которые повторяются независимо от особенностей развития той или иной страны [3]. Например, «в какой бы форме ни совершался переход от капитализма к социализму, он возможен лишь путем революции» [4],— говорится в Программе КПСС. Поступательное развитие любой общественно-экономической формации совершается во взаимодействии общих, повторяющихся свойств и сторон. Взять для примера типические особенности взаимоотношений между производительными силами и производственными отношениями. Они как устойчивый закон действуют на самых различных ступенях развития общества, во все исторические эпохи человечества.

Враждебное отношение буржуазных идеологов к ис-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 578.
[2] В. И Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 137.
[3] См.: «Материалы XXII съезда КПСС». М., Госполитиздат, 1961, стр. 323.
[4] Там же, стр. 349.

торическому детерминизму, к объективным законам истории порождено страхом буржуазии перед этими законами, так как они обрекают капитализм и с ним буржуазию на неминуемую гибель. Именно поэтому, раздувая отдельные особенности исторического развития в том или ином районе мира, особенности перехода от капитализма к социализму в частности, идеологи буржуазии в личине беспристрастных судей истории заявляют, будто прогноз Маркса не оправдался и общество развивается не так, как учит марксизм-ленинизм.

О неприменимости марксизма-ленинизма к условиям Китая в настоящее время много говорят руководители КПК, оказавшиеся в плену мелкобуржуазной националистической идеологии.

Повторяемость как отличительная черта всякого закона связана с наличием в явлениях сходных сторон и свойств. «Закон есть идентичное в явлениях» [1],— пишет Ленин. Это значит, что закон выражает только то, в чем многообразные явления тождественны или сходны между собой. Однако не всякое сходное, тождественное является законом. Так, например, расовые признаки, будучи едиными для данного народа или народности, не являются законом его развития, хотя и могут оказывать известное влияние на его историю. Следовательно, закон есть лишь существенно сходное, лежащее в основе явления и определяющее его развитие.

Выхватывание случайных, внешних для данного процесса признаков и возведение их в определяющие признаки, в закон развития характерно для метода софистики, которую широко используют в настоящее время идеологи империализма в борьбе против коммунизма. В последнее время буржуазные социологи (Р. Арон, Ж. Фурастье, У. Ростоу и др.) распространяют концепцию «единого индустриального общества», суть которой в том, что решающее значение для общественного строя той или иной страны имеют якобы не производственные отношения, не способ производства, а уровень развития индустрии.

Указывая на некоторые сходные черты индустриального развития СССР и США, как-то: ускоренное развитие тяжелой промышленности, возрастание роли науки и техники, сокращение численности сельского населения,—

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр 136.

авторы этой концепции утверждают, будто противоположности общественных систем капитализма и социализма не существует, будто эта противоположность есть выдумка марксистов, а в действительности уже давно сложилось единое индустриальное общество и происходит дальнейшее сближение общественных порядков этих стран.

Бесспорно, что сходные признаки в развитии промышленности социалистических и капиталистических стран существуют, но не они выражают сущность общественных отношений этих стран, не они являются типичными и закономерными в развитии этих стран, так как они не снимают коренных существенных различий в характере самих процессов индустриализации, обусловленных противоположностью экономических структур двух общественных систем. Именно в различии экономических отношений лежит главная причина того, что в совокупности показателей этих систем накапливаются все возрастающие различия, происходит наращивание сил социализма и ослабление сил капитализма, что с каждым днем увеличиваются предпосылки для замены капитализма социализмом во всем мире.

Из этих примеров видно, что сходное, идентичное в явлениях может различными способами связываться с единичным и далеко не всегда и безусловно является также существенным. Поэтому общее, сходное, повторяющееся, которое характеризует закон, — не любая часть или сторона предмета, а его сущность.

Закон и сущность — понятия однородные, одностепенные, указывает В. И. Ленин. Но все же они не тождественны. Сущность — это определяющая основа явления или процесса, а закон — это существенное отношение или отношение сущностей. Сущность многогранна и может выражаться не одним, а многими способами и выступать в действии многих законов. Например, сущностью империализма является господство монополистического капитала. Основным законом монополистической стадии развития капитализма является производство монопольно высокой прибыли. Из сущности империализма вытекает также закон неравномерности, скачкообразности экономического и политического развития капиталистических стран. Значит сущность может определять явление или процесс через совокупность законов и только совокупность законов выражает сущность с

необходимой полнотой. Только через совокупность законов сущность определяет то или иное явление.

Например, сущность социалистического строя, заключающаяся в общественной собственности на средства производства, определяет развитие социалистической экономики через такие законы, как основной закон социализма, закон планомерного развития народного хозяйства, закон распределения по труду, закон устойчивых высоких темпов расширенного воспроизводства. Чем полнее познаются эти законы, тем успешнее осуществляется управление развитием народного хозяйства.

Сущность и свойственные ей законы не лежат на поверхности явлений, а скрыты в глубине их, составляя их устойчивую основу.

Философы-идеалисты используют факты объективной упорядоченности в изменениях явлений как доказательство наличия в природе какого-то сознательного организующего начала. Древнегреческий философ Платон утверждал, что идеи в качестве самостоятельных сущностей предшествуют вещам и служат им образцами, с которыми вещи должны сообразовываться, подобно тому как произведение мастера является воплощением его замысла. При этом закон оказывается чем-то привнесенным извне. В действительности же закон — это внутренний порядок связи и развертывания элементов системы, порождаемый сущностью данного процесса.

В истории общества также действуют устойчивые тенденции, объективные закономерности, которые обусловливают течение событий в определенном направлении, в результате чего история предстает не хаосом событий, а последовательной сменой общественно-экономических формаций, т. е. процессом, имеющим свою объективную логику развития. Так, соответственно уровню развития производительных сил закономерно возникают и функционируют производственные отношения, а в зависимости от производственных отношений находятся все другие общественные отношения, меняются взгляды людей, меняются общественные организации и учреждения.

Некоторые ученые-естествоиспытатели полагают, что закон в отличие от единичных явлений, которыми он управляет, не зависит от хода времени. Так, М. Борн в уже цитированной выше работе считает, что по-

ложение «капиталистическая система есть причина экономических кризисов» есть всеобщее правило, или закон, независимый от времени. С этим мнением согласиться нельзя. Правда, закон охватывает не все стороны единичного и более устойчив, чем единичное, однако и закон зависит и от хода времени и от места действия, одним словом, от объективных условий. Закон не абсолют, действующий вне места и времени.

Явление как целостность всех свойств и отношений предмета всегда богаче закона, который, по определению Ленина, есть лишь часть явления [1], которое включает в себя, наряду с существенным и необходимым, несущественное и случайное. Однако все случайное и несущественное в одном отношении является необходимым и существенным в другом отношении. Между этими противоположными сторонами нет непроходимой грани, и поэтому закон является таковым лишь для определенных условий. Возьмем для примера закон падения тел, выражаемый формулой $S=\frac{1}{2}gt^2$ (путь, пройденный падающим телом, равен половине произведения ускорения на квадрат времени). В этой формуле процесс падения взят в чистом виде, как если бы он совершался независимо от любых факторов, влияющих на конкретные процессы падения, в отвлечении от температуры, влажности, сопротивления воздуха, ветра и прочих обстоятельств, что достижимо только в мыслях, а не в реальной действительности. При этом диаметр Земли принят за бесконечность.

Разумеется, что зависимость, выраженная законом Галилея, существенна и типична, и она в общем и целом прокладывает себе путь через все колебания. Названные выше факторы модифицируют ход конкретных процессов падения, но не отменяют их типических черт. Однако это варьирование внешних по отношению к закону факторов не может быть безграничным. Ф. Энгельс писал: «...закон падения... становится неверным уже при продолжительности падения в несколько минут, ибо в этом случае уже нельзя без ощутительной погрешности принимать, что радиус Земли $=\infty$, и притяжение Земли возрастает, вместо того чтобы оставаться равным самому себе, как предполагает закон падения Галилея [2]».

[1] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 137.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 588.

Значит то обстоятельство, что радиус Земли не равен бесконечности, будучи не существенным для непродолжительных падений тел, становится существенным для продолжительных падений, и тогда этот закон утрачивает свою силу.

Из самого факта зависимости действий законов от условий следует, что всякий объективный закон действует в определенных условиях и вне этих условий теряет силу. Законы природы и общества практически никогда не проявляются в «чистом» виде, ибо в мире нигде нет абсолютно тождественных условий. А один и тот же процесс в разных условиях дает разные результаты. Например, один и тот же процесс отделения производителей от средств производства в условиях Древнего Рима превратил свободных крестьян в праздную чернь, живущую за счет общества, а в условиях разложения феодализма этот же процесс привел к образованию класса наемных рабочих, создающих все богатства капиталистического общества.

Следует учитывать, кроме того, многогранность каждого явления и многогранность аспектов его сущности, благодаря чему в процессе его развития обнаруживают себя многие законы и требования одного закона нередко наталкиваются на требования противоборствующих сил и тенденций, через столкновение которых и пробивается в конечном счете равнодействующая всех сил, определяющих данный процесс. Например, закон абсолютного и относительного обнищания пролетариата при капитализме проявляется лишь как тенденция, которой противостоит действие закона классовой борьбы пролетариата за лучшие условия продажи рабочей силы. На результаты действия обоих этих законов оказывают влияние и внешние условия, сложившиеся, например, в результате образования мировой системы социализма после второй мировой войны.

В. И. Ленин об условиях действия закона уменьшения переменного капитала относительно постоянного писал: «...ни Маркс, ни его ученики не смотрели никогда иначе на данный закон, как на закон общих тенденций капитализма, отнюдь не закон всех отдельных случаев»[1]. Идеологи буржуазии преднамеренно подменяют учение Маркса об обнищании пролетариата крайне уп-

[1] В. И. Ленин Полн. собр. соч., т. 4, стр. 101.

рощенной схемой непрерывного автоматического процесса абсолютного обнищания с тем, чтобы доказать, будто оно неприменимо к современной эпохе.

Положение марксистской философии о взаимосвязи и взаимодействии законов имеет исключительно важное значение для практической деятельности людей. Оно означает, что нельзя ориентироваться на одни законы и игнорировать другие. Например, планирование народного хозяйства при социализме может быть успешным и совершенным только в том случае, когда учитывается не только закон планомерного развития народного хозяйства, но и закон стоимости, закон распределения по труду, закон наибольшей экономической эффективности предприятия и другие законы социализма. Осуществляемая в нашей стране хозяйственная реформа имеет как раз своей целью максимальное использование всех преимуществ социалистического способа производства. XXIV съезд КПСС указал, что важнейшим необходимым условием эффективного использования объективных закономерностей и преимуществ социализма является директивное планирование, что рыночное регулирование экономики несовместимо с интересами социализма. Однако товарно-денежные отношения, имеющие у нас новое, присущее социализму содержание, могут и должны использоваться в интересах укрепления планового руководства народным хозяйством и развития инициативы предприятий и объединений на началах хозяйственного расчета[1]. Игнорирование ведущей роли государственного централизованного планирования ведет к замедлению темпов развития производительных сил и роста производительности труда.

Условия действия любого закона природы или общественной жизни могут быть устойчивыми или изменчивыми, регулярными или нерегулярными, случайными или необходимыми. От характера внешних условий зависят результаты действия закона, поэтому знание этих условий имеет огромное значение для практики. Совокупность необходимых условий действия закона определяет сферу его действия. Чем больше требуется таких условий, тем уже сфера действий закона, и наоборот. Необходимые условия действия закона делятся на общие и специфические. Последние определяют содержание закона. Например, капиталистические производст-

[1] См.: «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 169.

венные отношения являются необходимыми специфическими условиями действия основного закона капитализма.

Социалистические производственные отношения определяют содержание основного закона социализма — все более полное удовлетворение материальных и духовных потребностей трудящихся и всестороннее развитие человека. Общими необходимыми условиями действия того и другого закона является существование общественного производства и таких законов развития всякого производства, как закон единства производительных сил и производственных отношений, закон пропорционального распределения общественного труда и др.

Если сфера действия того или иного закона определяется совокупностью необходимых условий, то отсутствие одного или нескольких условий означает прекращение действия этого закона. Отсюда понятно, как важно знание условий действия законов для успешного использования их на практике. Ибо если нет объективных условий, то никакими заклинаниями нельзя вызвать к жизни то или иное явление, получить то или иное желаемое следствие. Субъективизм и волюнтаризм неизбежно расцветают там, где отсутствует точный анализ конкретных условий деятельности.

Что касается случайных, сопутствующих условий, то они суть конкретно-исторические условия, как национальные, так и международные, которые определяют форму проявления, силу и интенсивность действия соответствующего закона или системы законов. С изменением конкретно-исторических условий меняются параметры действия того или иного закона. Например, закон стоимости является общим законом функционирования всякого товарного производства. Социалистическое производство также является товарным производством, и здесь существуют необходимые условия для действия закона стоимости. Однако социалистические производственные отношения являются качественно иными конкретными условиями, чем капиталистические, и определяют иную форму проявления этого закона и иную сферу действия.

При социализме закон стоимости не регулирует производства, однако без использования этого закона нельзя успешно устанавливать общественно-необходимые затраты живого и овеществленного труда и осуществлять экономию рабочего времени. Закон стоимости в нашем

обществе не является каким-то инородным, чуждым природе социализма, пережитком старого строя, а представляет собой специфический закон социализма.

Особенность условий действия экономических законов социализма состоит в том, что содержание этих законов отвечает интересам народных масс, что социалистическое общество едино в стремлении предоставить полный простор действию этих законов, так как всякое нарушение экономических законов или пренебрежение взаимодействием этих законов создает помехи и трудности в развитии народного хозяйства, которые рано или поздно наносят вред материальным интересам трудящихся. Отсюда — возрастающая роль партии и марксистско-ленинской теории в руководстве социальными процессами.

Итак, развитие общества, как и развитие природы, осуществляется через многоразличные сочетания условий и законов, через закономерное изменение условий и через новые определения законов условиями. Закономерные, причинные и необходимые связи, взятые в совокупности с условиями, и образуют систему объективного детерминизма, который включает как направленные, так и ненаправленные процессы и их взаимные переходы и опосредования.

Благодаря этому объективный детерминизм неисчерпаем и не укладывается ни в какую схему. Поэтому, например, в применении к истории общества, как указывал Маркс, надо всегда учитывать специфическую детерминацию вариаций исторического существования. В. И. Ленин писал, что при общей закономерности развития во всей всемирной истории нисколько не исключаются, а, напротив, предполагаются отдельные полосы развития, представляющие своеобразие либо формы, либо порядка этого развития.

Детерминизм в истории общества — это не внешняя сила, раз и навсегда предопределяющая каждую ступень и каждую деталь в развитии общества, а внутренняя логика событий, корректируемая конкретными условиями, составной частью которых является, в частности, субъективный фактор, целенаправленная деятельность людей.

Итак, всякий закон природы и общественного развития выражает отношения упорядоченности и определен-

ности и является ограничением беспорядка, неопределенности, относительной хаотичности. Однако следует особо подчеркнуть, что неопределенность всегда относительна и не означает отсутствие детерминизма, а необходимо включает в себя другие определенности и закономерности.

Динамическая и статистическая детерминация явлений. Проблема соотношения определенности и неопределенности, регулярности и иррегулярности в детерминации материальных процессов стала в центре внимания науки и философии в нашу эпоху как проблема соотношения динамических и статистических процессов и соответствующих им законов. Является прежде всего очевидным тот факт, что динамические и статистические законы действуют во всех сферах действительности. Так как каждое явление материального мира представляет собой сложное переплетение многочисленных связей, как необходимых так и случайных, как регулярных, так и иррегулярных, то оно подвержено действию и динамических и статистических законов.

Общей чертой тех и других законов является то, что они носят объективный характер, т. е. существуют и действуют независимо от сознания и воли людей. Динамические законы были открыты раньше статистических, так как они выражают сравнительно более простые, однозначные необходимые связи явлений, которые находятся в относительно ограниченном взаимодействии со средой (например, закон инерции или закон тяготения). Динамические законы предполагают явление или систему в качестве чего-то элементарного, недифференцированного, от внутренней структуры которого можно абстрагироваться. Это, как правило, — причинные законы. Они являются такой формой причинной связи, при которой начальное состояние системы однозначно определяет последующее состояние, так что, зная первое, можно с большой степенью точности предвидеть второе. Классическая механика изучила динамические законы движения тел и планет солнечной системы, разработала способы предсказания небесных явлений (начала и окончания затмений Солнца и Луны, времени появления комет и т. п.), изучила законы движения искусственных спутников Земли, Луны и других небесных тел. Все эти процессы более или менее просты, автономны, относительно независимы от внешних условий и опре-

деляются главным образом внутренними связями, которые, при отвлечении от внешних условий, можно без большой ошибки принять за абсолютно необходимые, закон изменения которых не знает исключений. Так и поступал в прошлом механистический детерминизм.

Динамические законы обнаруживают себя там, где роль случайности незначительна и от нее можно отвлечься, где необходимость не расходится, а совпадает с однозначной причинной обусловленностью, где предшествующее состояние непосредственно порождает последующее. Динамические законы действительны для каждого отдельного явления, входящего в данную систему.

Метафизика и механистический детерминизм исходили из идеи ненарушимости порядка мира, отрицали случайность и были убеждены, что необходимое является «единственно достойным научного интереса»[1]. Наука — враг случайности, ей нет никакого дела до случайности. И если случайности существуют, то они не могут быть предметом научного исследования. Наука изучает только существенное, устойчивое, необходимое. Такого взгляда придерживался известный представитель метафизики Х. Вольф. Такая установка ограничивала и даже сводила науку к простому комментарию того, что известно, что познано.

Однако и механика вскоре установила, что развитие звезд и галактик значительно сложнее закона причинной однозначности, что и в эту область вторгается вероятность. Наука столкнулась с тем фактом, что в мире нет абсолютно автономных процессов, что существует закономерность такого типа, которая не детерминирует поведение соответствующего конкретного индивидуального явления, а выходит за его пределы и обусловливает взаимодействие целой массы данных случайных явлений. Наука убедилась в невозможности игнорировать роль случайностей. Более того, было открыто, что случайности не обособлены от необходимости и закономерности, а сами подчинены определенным законам, которые можно и нужно познать и использовать в практической деятельности. Установлено, что случайные явления имеют не только свои причины, но и свои законы поведения в коллективах или ансамблях. Случайные

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 533.

явления и признаки также возникают и исчезают с определенной регулярностью, но эта регулярность или закономерность является не однозначной, а статистической, т. е. действует не в пределах одного какого-либо явления, а распределена в совокупности явлений, как устойчивая тенденция изменения системы однородных явлений.

Различие между динамическими и статистическими законами можно видеть из таких примеров: любой тяжелый предмет, подброшенный вверх, падает на Землю с известным ускорением. Движение предмета в данном случае управляется законом падения, открытым Галилеем, и однозначно определено этим законом. Но если мы будем бросать монету и следить, с какой частотой выпадает «решка», то убедимся, что этот процесс подчинен закону средних чисел. Каждое выпадение «решки» случайно, но если количество бросаний достаточно велико, то количество «решек» будет приблизительно равно количеству «орлов». Для монеты, где распределяются только два признака, вероятность выпадения одной из сторон равна $^1/_2$. Для куба вероятность выпадения любой из его сторон равна уже $^1/_6$.

Статистические, или вероятностные, законы действуют там, где велика роль случайности, где одинаковые причины производят относительно различные следствия и где случайность выражает не всю, а только часть необходимости. Эти законы действительны не для каждого явления в отдельности, а только для целого ансамбля явлений, и поэтому они утрачивают смысл, когда их пытаются применять к отдельному явлению. Например, температура и давление газа являются такими величинами, которые не характеризуют отдельную молекулу газа. Статистические законы — это законы движения массы случайностей, законы средних чисел, законы распределения. Каждая молекула газа в сосуде обладает своей скоростью движения, которая для нее случайна, так как сложилась в результате многочисленных столкновений с другими молекулами. Однако, как доказал Максвелл, в общей массе молекул при данной температуре имеется вполне определенное число молекул, обладающих такой-то скоростью, так что с изменением температуры изменяется и это число. Закон Максвелла указывает способ расчета распределения скоростей молекул. Физика открыла также закон рас-

пределения энергии данной системы по степеням свободы ее движения. Характерно, что величины, связанные этими законами (например, скорость и количество молекул, заряд и степень свободы), не стоят в причинной зависимости между собой.

Вероятностный характер поведения компонентов ансамбля не означает индетерминизма. Статистические законы тоже детерминируют поведение элементов системы, но в отличие от динамических законов осуществляют это не непосредственно, а косвенно через изменения целого, через изменения всего ансамбля. Исключительная подвижность компонентов в статистических ансамблях дополняется устойчивостью частот их признаков и устойчивостью количественных характеристик структуры в целом. Здесь необходимость отнюдь не исчезает, а приобретает форму законов распределения, которые выражают связь между возможными значениями элементов системы и вероятностями осуществления этих значений. Таким образом, если со стороны взаимоотношения элементов системы друг к другу имеет место иррегулярность, то она вовсе не означает отсутствия закономерности изменения признаков у элементов статистической совокупности.

В статистических процессах причинность проявляется иначе, чем в динамических процессах. Здесь начальное состояние системы определяет ее последующее состояние не однозначно, а лишь с некоторой вероятностью, в форме усреднения случайных тенденций, через взаимное погашение индивидуальных уклонений в ту или иную сторону.

Динамическая закономерность реализуется в точно определенный момент времени, а статистическая закономерность реализуется лишь как тенденция, осуществляющаяся на протяжении некоторого отрезка времени, в моменты, определяемые лишь с некоторой степенью вероятности. Таковы многие закономерности развития биологических и социальных явлений. Познание статистических законов дополняет знание динамических, и наоборот. Эти два типа законов не следует противопоставлять. Например, в объяснении генетических процессов приходится учитывать как непосредственные и однозначные причинные связи динамического типа, так и статистически складывающиеся связи, в которых необходимость и закономерность проявляются лишь сум-

марно в виде «усреднения» разнообразных случайных тенденций. Так, Дарвин доказал статистический характер действия закона естественного отбора и связал его с фактом неопределенности наследственных изменений, обусловленной тем, что они опосредуются и внешним фактором, и внутренней спецификой организма. Изменение генетического материала осуществляется не самопроизвольно, а под воздействием среды, но происходит оно в борьбе противоречий устойчивости и подвижности этого материала, которые разрешаются самой организацией наследственного кода в ходе регуляции посредством циклического механизма с обратной связью[1]. В общественной жизни также весьма часто результат деятельности людей носит массовый характер. «... История делается таким образом, что конечный результат всегда получается от столкновений множества отдельных воль, причем каждая из этих воль становится тем, чем она является, опять-таки благодаря массе особых жизненных обстоятельств»[2],— пишет Энгельс.

Статистические законы не исключают существования динамических законов, и наоборот. Более того, они могут действовать одновременно. Там, где развитие ансамбля определяется действием статистических законов, движение отдельных элементов системы подчинено динамическим законам, и наоборот. Ведь статистические законы не предполагают абсолютной иррегулярности образующих массовое явление элементарных событий. В кинетической теории газа речь идет о статистических законах молекулярного беспорядка. Но этот беспорядок относителен и отнюдь не отменяет закономерностей, по которым движутся отдельные молекулы. А они движутся по динамическим законам.

Согласно так называемой «теории уровней» Бома материя представляет собой взаимосвязанную последовательность различных уровней. Каждая материальная система заключает в себе системы или объекты меньших размеров. А раз имеется множество объектов, то вступают в действие статистические законы, а динами-

---

[1] См.: И. И. Шмальгаузен. Контроль регуляции в эволюции. «Бюллетень Московского общества испытателей природы», 1958, № 5; И. Т. Фролов. Генетика и диалектика. «Вопросы философии», 1967, № 1.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. М., 1949, стр. 423.

ческие законы оказываются обусловленными статистическими процессами в области микроструктуры данной системы. В основе всякого динамического закона лежат вероятностные процессы, относящиеся к микроструктуре данной системы.

Исторические законы в большинстве своем являются статистическими, так как они относятся к многочисленным коллективам людей и применимы не в каждом отдельном случае, а только в определенном проценте случаев. Например, экономические кризисы перепроизводства поражают не всех капиталистов страны или какой-либо отрасли производства, а только какой-то процент из них. То, что кризис разорил именно этого капиталиста, а не другого — это чистая случайность. Но через массу случайностей пробивает себе дорогу необходимость. Всякий общий закон осуществляется «весьма запутанным и приблизительным образом, лишь как господствующая тенденция, как некоторая никогда твердо не устанавливающаяся средняя постоянных колебаний» [1],— писал К. Маркс. В. И. Ленин также указывал, что в истории общества «закономерность не может проявляться иначе как в средней, общественной, массовой закономерности при взаимопогашении индивидуальных уклонений в ту или другую сторону»[2].

Отрицание объективной случайности было одной из причин того, что метафизический материализм не смог создать научной социологии. Так, например, французский материалист Гольбах считал, что нет такого атома в природе, который не играл бы важной и необходимой роли, а в истории ход событий с железной необходимостью определяется такими факторами, как расстройство пищеварения или насморк у короля, полководца или других высокопоставленных лиц. Огульно отрицая всякую случайность, метафизический детерминизм фактически провозглашал случайность основой человеческой истории, т. е. низводил саму необходимость до степени случайности.

Законы истории, являясь, как правило, законами статистическими, могут служить наглядным примером воплощения диалектики необходимости и случайности, возможности и действительности.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. I, стр. 176.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 68.

История совершается так, что конечный результат зависит от столкновения множества отдельных воль. Каждая воля достигает не того, чего хочет, а все воли сливаются в нечто среднее, в одну равнодействующую. Каждая воля участвует в равнодействующей и включена в нее, но ни одна из этих воль в отдельности не определяет ход истории. С другой стороны, поведение каждой отдельной личности детерминировано многосложными обстоятельствами, но детерминировано не однозначно. У личности всегда есть выбор возможностей.

Так как историю творят люди, то ход истории зависит и от поведения отдельных личностей, роль которых отнюдь не равна нулю. Например, известно, что научно-технический прогресс в наше время играет решающую роль в экономическом соревновании с капитализмом. Очевидно также, что победа социализма в этом соревновании исторически предопределена. Однако труженики социалистического общества сделали бы непростительную уступку капитализму, если бы они положились на фатальный ход событий. Научно-технический прогресс — не внешняя сила, а дело самих трудящихся масс. Кто именно сделает то или иное научное открытие или внесет ценное рациональное предложение или усовершенствование, — все это случайно, но из этих случайностей складывается необходимый процесс поступательного развития нашего общества. «Люди делают свою историю...» так, что «каждый преследует свои собственные, сознательно поставленные цели, а общий итог этого множества действующих по различным направлениям стремлений и их разнообразных воздействий на внешний мир — это именно и есть история» [1].

Итак, статистические законы — это законы движения случайностей, законы игры случая, законы, управляющие взаимодействием множества различных и часто противоположных стремлений и тенденций.

Общественные законы, поскольку они реализуются всегда в практической целенаправленной деятельности людей, через многообразие различных воль и стремлений индивидов, являются по типу и способу своего существования статистическими, хотя и не исключают связей и законов динамического или жестко детерминированного характера.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 306.

Современное общество — это очень сложный организм, где в постоянном взаимодействии находятся производительные силы и производственные отношения, всевозможные надстройки из различных общественных организаций и учреждений, формы общественного сознания, национальные и семейные отношения и т. д. Перед обществом возникают различные задачи и в зависимости от условий на первый план могут выступать то одни, то другие стороны общественной жизни и приобретать решающую роль в развитии общества. Так, в период войны решающее значение имеет организация военной победы над врагом. Этой задаче подчиняется и развитие экономики, хотя экономика не перестает быть определяющей силой и в развитии общества и в организации разгрома врага. В период социальной революции решающую роль играет политика, которая выступает на первый план в отношениях между классами, хотя содержание политической борьбы в конечном счете определено опять-таки экономическим строем общества.

Благодаря постоянному переплетению этих различных сил и влияний в развитии общества редко можно видеть однопричинную детерминацию, т. е. такое состояние, когда ход событий был бы определен однозначно. Однако статистические законы не менее реальны, чем динамические. Они в такой же степени зависят от конкретных условий и с равным успехом могут быть использованы людьми в практической деятельности.

Способ действия статистических законов зависит от специфических условий соответствующей общественной формации. Например, при капитализме, где сознательное общественное регулирование производства невозможно, «разумное и необходимое прокладывает себе дорогу как слеподействующее среднее», пропорциональность в развитии отраслей народного хозяйства устанавливается через постоянные нарушения пропорциональности, т. е. через диспропорции, неизбежные в обстановке действия закона анархии и конкуренции.

Напротив, в социалистическом обществе, где действие экономических законов совпадает с интересами трудящихся, имеются все возможности для сознательного общественного регулирования производства, для установления научно обоснованных пропорций в народном хозяйстве, для овладения законами развития общества в интересах народа. Необходимость как слеподействую-

щее среднее уступает здесь место осознанной необходимости развития производства в соответствии с требованиями законов социалистического способа производства. Опыт развития социалистического общества учит, что высокие темпы развития народного хозяйства достигаются там и тогда, где и когда деятельность людей согласуется с экономическими законами, а всякие нарушения требований этих законов создают непредвиденные трудности, снижают темпы и эффективность развития производства.

Однако было бы упрощенчеством представлять дело так, будто объективный характер действия экономических законов социализма исключает возможность творческого подхода к развитию экономики. Совсем напротив, развитие социалистического производства и общества в целом совершается в борьбе различных возможностей и не только позволяет, но и вынуждает находить среди всех возможностей наиболее оптимальный вариант, несущий наибольшую выгоду для общества.

Планирование при социализме не просто декретирование, а тщательный подсчет вероятностей осуществления наиболее оптимального варианта. Преимущество социализма в том, что здесь социология и статистика не просто подводят итог пройденному пути развития, а действенно вмешиваются в исторический процесс, помогая направить его в интересах народа. Только при социализме доступен в полной мере контроль общества над силами и законами социального развития. Поэтому именно здесь возникла и развилась наука о плановом руководстве и управлении народным хозяйством. Новые принципы экономического стимулирования производства, предоставление большей оперативной самостоятельности предприятиям, сочетание централизованного руководства с широкой инициативой снизу, ликвидация мелочной опеки, которая сковывала способности миллионов работников — все эти мероприятия глубже, чем прежде, отражают требования экономических законов социализма и знаменуют начало более высокого уровня воздействия субъективного фактора на объективные процессы нашего общества.

Было бы ошибочно думать, будто социалистический способ производства устраняет статистический характер экономических законов и превращает их в динамические, т. е. в законы однозначного причинного детермини-

зма, максимально упрощая их использование. Социалистическое общество — не менее, а более сложный социальный организм, чем капиталистическое. Оно обеспечивает расцвет индивидуальностей и дарований. В социалистическом обществе взаимодействуют более многочисленные социальные силы и факторы, складывающиеся в среднюю общественную равнодействующую всех сил.

Но за этими чертами сходства нельзя не видеть коренных различий в самом содержании экономических законов социализма, обусловленном социалистической собственностью на средства производства. При капитализме любые изменения общественных связей, случайные по форме, но неизбежные по существу своему, подобно стихийному бедствию, как слепая сила, обрушиваются на головы людей и держат их в своей власти. К. Маркс показал, что при капитализме экономические законы осуществляются через их постоянное нарушение. Здесь плановое развитие экономики в масштабе всего общества не то чтобы затруднено, а просто невозможно.

В социалистическом обществе также случаются нарушения пропорций и причины, определяющие развитие общества, действуют тоже не однозначно, а в сложнейшем переплетении и взаимодействии, однако по своему характеру и объему непредвидимого законы — тенденции социализма коренным образом отличаются от стихийных процессов капиталистического общества. Общественная собственность на средства производства позволяет оградить общество и отдельных индивидов от бесчинства случайностей и «установить господство индивидов над случайностью и отношениями»[1]. Опираясь на объективные законы, люди социалистического общества имеют возможность ограничить действие неблагоприятных случайностей и открыть простор для действия всех сил и ресурсов (необходимых и случайных), благоприятствующих осуществлению сознательно поставленных целей. В настоящее время практика коммунистического строительства выдвинула задачу более полного учета и использования статистической природы экономических законов социализма.

Накопленный за последние годы наукой колоссальный материал о случайностях и их роли в материаль-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 440.

ных процессах с новой силой подтвердил диалектико-материалистическое понимание необходимости. Новые замечательные открытия современной науки снова и снова подтверждают, что как в природе, так и в обществе необходимость действует не в «чистом» виде, а только через случайности, в которых она существует и реализуется. А если это так, то статистическая, или вероятностная, закономерность не только не противоречит детерминизму, а является его необходимой стороной или формой проявления. Долгое время статистическая закономерность рассматривалась лишь как предварительная, несовершенная картина объективного процесса, которая со временем уступит место динамическому детерминизму лапласовского типа. Так, М. Планк, введший в обиход деление законов на индивидуальные, или динамические, и коллективные, или статистические, выражал надежду на то, что все статистические законы будут в конечном счете сведены к динамическим законам причинного типа[1]. Современный уровень познания статистических законов позволяет думать, что их отличие от динамических законов заключается не в степени полноты познания лежащих в их основе причинных связей, а в объективном способе осуществления выражаемых ими необходимостей. Вероятностный характер статистических законов обусловлен не отсутствием достаточных знаний причин явлений, а специфической структурой вероятностных систем.

В динамическом законе необходимость прокладывает дорогу как общее в единичном, а в статистическом законе — как единое во многом. Различие состоит прежде всего в разной роли случайностей. В первом случае случайное, нетипичное затемняет и модифицирует необходимое, во втором случае, напротив, только через случайное можно выявить необходимое, и возрастание числа случайностей облегчает обнаружение необходимости. Следовательно, существует два несводимых друг к другу типа законов. Эта несводимость объясняется тем, что свойства всякой системы качественно отличаются от свойств образующих ее компонентов, и все усилия отыскать в элементах некоторые скрытые параметры, которые позволяли бы объяснить свойства и зако-

---

[1] См.: М. Бунге. Причинность, стр. 289.

ны системы в целом, совершенно беспочвенны. Статистические законы характеризуют поведение системы как целого и не зависят от поведения элементов системы. Поэтому поведение системы можно познать без того, чтобы познать сначала поведение элементов. Однако при всей несводимости эти типы законов не обособлены, а предполагают друг друга и могут даже переходить друг в друга. Так, закон Бойля — Мариотта о зависимости объема газа от давления есть динамический закон. Но этот закон есть предельный случай статистической закономерности механических соударений молекул, образующих идеальный газ. С другой стороны, каждая отдельная молекула газа подчинена динамическому закону, и в основе статистической закономерности лежит, таким образом, динамическая закономерность. И было бы грубой ошибкой думать, будто система существует независимо от своих элементов.

Статистические законы — это законы совокупности случайных процессов или явлений. Причем не всякая совокупность случайностей скрывает за собой закономерность. Для того чтобы могла проявиться статистическая закономерность, число случайностей должно быть достаточно велико, и они должны быть относительно однородными. Статистические закономерности имеют место там, где компоненты ансамбля, или части целого, не просто рядоположены, где целое не простая сумма изолированных предметов или явлений, не чисто случайное объединение множества независимых и внешних факторов, а нечто организованное, нечто имеющее структуру. Если элементы ансамбля не взаимодействуют, то нет и закономерности в поведении системы и самих элементов. Значит, статистические закономерности действуют там, где за случайностью скрывается необходимость, там, где необходимость не может выступать иначе, как через взаимодействие случайностей, там, где элементы целого обретают относительно устойчивую взаимозависимость и структурность, а целое выступает как способ связи элементов данной структуры. Именно целое и становится носителем статистического закона. К. Маркс, выясняя особенности закона роста производительности труда, писал: «Данное выше первоначальное определение производительного труда, выведенное из самой природы материального производства, всегда сохраняет свое значение в применении к совокупному

рабочему, рассматриваемому как одно целое. Но оно не подходит более к каждому из его членов, взятому в отдельности»[1]. Любопытно то, что если динамический закон функционирует как общее в единичном, как часть в целом, то статистический закон функционирует как единое во многом, как целое в массе явлений, как структура в совокупности элементов.

Статистическая, или вероятностная, необходимость в отличие от динамической необходимости является признаком не каждого входящего в данный коллектив единичного явления, а признаком самого коллектива как целого. Поэтому статистика как наука имеет дело не с отдельными индивидуальностями, а с массовыми варьирующими признаками и их распределениями. Путем наблюдений, подсчетов и сопоставлений статистика находит скрытые за случайностями статистические закономерности.

Естественно, что статистика изучает закономерности природы и общества прежде всего с их количественной стороны. Однако это обстоятельство не может быть основанием для утверждений, будто статистика и открываемые ею законы являются «эмпирическими, остающимися, так сказать, на поверхности явлений, в отличие от рациональных законов науки, относящихся к самой сущности вещей, к основе связей между ними». «Статистика, — полагает, далее, автор этих строк Н. К. Дружинин,— не раскрывает самих причин процесса»[2]. Иную, более правильную, точку зрения развивает О. О. Яхот, который пишет в статье, опубликованной в тех же «Ученых записках» АН СССР: «Смысл статистической закономерности в том и состоит, что она указывает на причинные отношения там, где они не видны, если изучение не ведется статистическими методами»[3]. Неполнота выраженной здесь истины в том, что статистические законы могут быть выражением и непричинных функциональных отношений, могут включать, а могут и не включать причинно-следственные связи[4]. Однако любая статистическая закономерность является формой объективной детерминации явлений, выражает

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 517.

[2] «Ученые записки по статистике», т. VI. Изд-во АН СССР, стр. 70—71.

[3] Там же, стр. 64.

[4] См.: А. С. Кравец. Причинность и статистические законы. «Вопросы философии», 1966, № 8.

глубинные необходимые связи и отношения. Их особенность состоит в том, что необходимая связь здесь лишь частично заключена в каждом отдельном случайном явлении, т. е. распределена в массе этих явлений и поэтому осуществляется через сочетания случайностей, вероятностным способом.

В отличие от динамических законов, где для поведения объекта существует лишь одна возможность, которая необходимо осуществляется, в статистических процессах для поведения элементов ансамбля существует ряд возможностей, одна из которых вероятностно осуществляется. Однако поведение статистической системы в целом также определяется одной возможностью, которая с необходимостью осуществляется через вероятностное поведение элементов системы. Так, во всех развитых капиталистических странах существует возможность социалистической революции. Однако в силу неравномерности экономического и политического развития этих стран вероятность осуществления этой возможности в отдельных странах не одинакова, и развитие революции в различных странах совершается в разные сроки, в различных формах и различными темпами.

При определении поведения статистического объекта по необходимости учитываются (объективно) не все воздействия, влияющие на поведение объекта. Вот это и дало повод некоторым ученым заявлять, будто статистические законы оставляют известную почву для индетерминизма. Но это не соответствует истине. В действительности статистические законы лишь подчеркивают, что детерминизм динамических законов не является единственным и всеобъемлющим, что существуют и другие способы детерминации явлений в природе и обществе.

История науки знает замечательные примеры эвристической роли статистических методов познания и опровергает мнение о поверхностном характере результатов статистических исследований. Известно, например, что К. Маркс лишь на основе статистических данных доказал существование абсолютной земельной ренты. В. И. Ленин с помощью статистики опроверг теорию народников о случайности капитализма в России и доказал, что в конце XIX в. Россия бесповоротно встала на путь капиталистического развития и что именно пролетариату принадлежит будущее.

Статистика может быть действенным орудием в борьбе за материализм в понимании истории. В статье «Смертная казнь» К. Маркс высоко оценил труд французского социолога Кетле «Социальная физика», в котором на основе статистических данных опровергается идеалистическая догма о свободе воли и доказывается строгая закономерность и обусловленность изменения общественных отношений, зависимость таких, казавшихся случайными, волевых действий, как самоубийства, разводы, ограбления и прочее, от определенных социальных причин. Таким образом, с помощью статистики можно с успехом вскрывать причины, сущность и закономерности происходящих событий. Но статистика способна дать этот результат только в том случае, когда она руководствуется научной методологией. Неопозитивисты, например, превращают математические и статистические методы в нечто самодовлеющее и становятся на позиции «математического детерминизма», заявляя, будто социология станет научной только тогда, когда превратится с помощью математики в такую точную науку, как физика.

Несомненно, что социальные исследования всегда базировались и базируются на экономической информации и ее математической обработке. Однако плодотворность этих исследований зависит от правильности исходных теоретических посылок. А единственной подлинно научной теорией общественного развития является марксизм-ленинизм.

В обществе, как уже говорилось, большинство законов носит статистический характер. Это значит, что они действуют не однозначно, не в каждом единичном случае, не в любой момент времени, а только как тенденция, на протяжении большого отрезка времени. Отсюда ясно, что точное предсказание результатов действия этих законов затруднено или прямо-таки невозможно. Возьмем для примера закон соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Действие этого закона вместе с действием специфических законов капитализма обусловливает неизбежность социалистической революции и победы социализма над капитализмом. Однако ни один марксист никогда не пытался предсказывать с математической точностью, где и когда, в каком году и в какой стране произойдет социалистическая революция. Дело в том, что револю-

ции возникают из революционных ситуаций. А революционные ситуации являются результатом переплетения столь сложных и постоянно меняющихся причин и обстоятельств, что их полностью практически нельзя учесть, так что в отношении отдельных исторических событий предсказания могут делаться только с известной степенью вероятности. Однако, когда объективные и субъективные факторы и условия для победы революции созрели, когда это историческое событие стало совсем близким, возникает возможность, опираясь на законы развития восстания, точно предсказать день, наиболее благоприятный для одержания победы. Примером может служить назначение Лениным вооруженного восстания на 25 октября 1917 г.

В развитии общества действие статистических законов также не означает абсолютной иррегулярности отдельных событий. Более того, в определенных условиях статистические законы могут превращаться в динамические. Примером могут служить законы отдельных военных сражений.

Вероятность есть мера отношения между событием и определяющими ее факторами, мера возможности появления события при данных условиях. То событие, которое наиболее полно детерминировано, является наиболее вероятным. Значит с изменением условий, с возрастанием полноты детерминации события маловероятные могут стать очень вероятными и даже неизбежными. Значит статистические закономерности также могут быть использованы в практической деятельности людей, как и законы жесткой детерминации.

ГЛАВА IV

СИСТЕМНЫЙ ХАРАКТЕР ДЕТЕРМИНИЗМА В ПРИРОДЕ И ОБЩЕСТВЕ

Понятие самодетерминации явлений. Увязав принцип всеобщей взаимозависимости явлений с принципом развития, марксистско-ленинская философия установила и обосновала системный характер детерминизма в природе и обществе.

Ф. Энгельс писал: «Вся доступная нам природа образует некую систему, некую совокупную связь тел, причем мы понимаем здесь под словом тело все материальные реальности, начиная от звезды и кончая атомом... В том обстоятельстве, что эти тела находятся во взаимной связи, уже заключено то, что они воздействуют друг на друга, и это их взаимное воздействие друг на друга и есть именно движение»[1].

Всякая связь явлений, будь то внешняя или внутренняя, реализуется через движение, а всякое движение предполагает взаимную связь явлений и в свою очередь ведет к новым формам связи и взаимодействия между ними, к новым уровням организации явлений. Это значит, что связи и отношения, с помощью которых осуществляется взаимная детерминация явлений, сами находятся в состоянии постоянного изменения, развиваются и усложняются, образуют системы, отличительным признаком которых является упорядоченность и закономерность, а при высоком уровне организации — направленность изменений.

Системность во взаимодействии материальных образований обусловлена качественным разнообразием и единством, дискретностью и непрерывностью материи во всех ее состояниях. Качественное разнообразие явлений есть условие их взаимодействия. Абсолютно тождественные явления не могут взаимодействовать, так как взаимодействие означает обмен признаками, качествами. Характерной чертой материи является также дискретность и непрерывность. Всякий материальный объект состоит из относительно «неделимых» элементов и устойчивых закономерных связей, в которых находятся эти элементы.

Естествознание убедительно свидетельствует о том, что характер взаимодействия тел зависит от свойств тел, между которыми устанавливается связь. Отношения между телами или их элементами являются производными от природы самих взаимодействующих тел и элементов. С другой стороны, свойства элементов проявляются только в их взаимных отношениях, в их действиях, т. е. в движении. Детерминация выступает как единство упразднения и полагания, становления одного

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 392.

другим и самим собой. И в этом процессе всегда существует известный порядок.

Во Вселенной всюду, от мельчайших частиц материи до колоссальных тел, имеется определенная упорядоченность взаимного расположения и движения составляющих каждую данную систему частей или элементов, источники которой следует искать в самих телах, системах, явлениях.

Одним из важнейших приобретений марксистско-ленинской философии является доказательство существования внутренних источников самодвижения материальных тел, заключающихся во взаимодействии свойственных им противоположных сторон и тенденций.

Враги диалектического материализма продолжают повторять устаревшие положения, будто все, что движется, движется другим. Так, неотомист Веттер пишет: «Всякое движение в реальном мире — не самодвижение, а движение под воздействием другого предмета» [1]. Марксистская диалектика показывает, что общим свойством всех процессов является самодвижение материальных тел, которое органически сочетается с их способностью к внутренней самоорганизации, к усложнению своего структурного уровня, к порождению все новых и новых форм и состояний. Материя неисчерпаема в своих творческих потенциях.

Старый материализм не умел решить проблемы единства материи и движения именно потому, что не видел источника активности и самодвижения тел во взаимной связи и взаимодействии внутренних элементов и сторон, что он ограничивался исследованием только внешней (экзогенной) детерминации явлений. Вопрос о внутренних импульсах движения тел ставился только в аспекте накопления или траты энергии в ее механической форме. Закон инерции Галилея и закон сохранения импульса говорят лишь о том, что материальные тела стремятся сохранить состояние движения. Сам же источник движения ученые того времени искали в чем-то внешнем, в случайных столкновениях тел или даже в «божественном первотолчке» (Ньютон). Проблема самодетерминации явлений, т. е. проблема самодвижения и самоорганизации отдельных тел и це-

---

[1] G. Wetter. Der dialektische Materialismus. Wien, 1956, SS. 408—409.

лых систем, проблема места и роли организующих начал и направляющих факторов в движении явлений даже не ставилась и не могла быть поставлена в рамках механистического мировоззрения. Однако развитие естественных и общественных наук настоятельно требовало философского решения этой проблемы.

Создатель теории относительности А. Эйнштейн установил, что движение небесных тел приводит к изменению структуры гравитационного поля, а это в свою очередь вынуждает тела двигаться дальше, так что источником движения выступают здесь сами физические тела и связи между ними. Движение есть бесконечный ряд возникающих и разрешающихся противоречий.

Открытие явления радиоактивности со всей очевидностью показало, что тела неживой природы способны к спонтанному изменению.

Электромагнитная теория Максвелла — Лоренца признает существование имманентных причин движения в каждой мельчайшей частице, обладающей зарядом. Современная физика, изучая внутреннюю активность материи, установила, что любая частица обладает какой-либо формой внутреннего движения, которая именно и определяет ее качественную специфику. А это значит, что частица обладает внутренней детерминацией.

Современная биология проникла в самые глубинные уровни организации живых клеток и обнаружила в них взаимодействие генов, обладающих относительно самостоятельными молекулярными структурами, открыла молекулы ДНК, содержащие в себе наследственную информацию и программу развития организма. Опираясь на эти данные, биология все полнее раскрывает процессы саморегуляции и самодетерминации клеточного обмена веществ, а также индивидуального развития и эволюции на различных ступенях организации живого. Установлено, что живые тела значительно превосходят соразмерные неживые тела по ресурсам легко освобождаемой энергии именно благодаря более высокому уровню своей организации. Живой организм — не сумма клеток и не машиноподобная система, только реагирующая на внешние стимулы. Организм активен даже при постоянных внешних условиях и при отсутствии внешних стимулов. Ведь сам обмен веществ в организме происходит в форме постоянного распада и постоянного построения образующих организм веществ. «...В

живой системе гораздо чаще возникают изменения, возбуждаемые в ней самой и притом детерминируемые эндогенно, т. е. преимущественно ее собственными структурами»[1].

Факты убедительно свидетельствуют о том, что внешняя, экзогенная детерминация явлений всюду дополняется внутренней, эндогенной детерминацией, которая является выражением всеобщей способности материи к самодвижению и к самоорганизации.

Объективной предпосылкой и выражением самоорганизации выступает относительная независимость, обособленность одних объектов от других, а также различие и устойчивая выделенность компонентов и процессов, образующих организованное целое. Но это не обособленность атомизма, а, напротив, такая обособленность тел, которая является существенным и естественным дополнением к их взаимной связности и организованности. Это такая дифференциация элементов или компонентов, которая имеет своим противоположным полюсом интеграцию.

В противоположность атомизму, который изолирует части ансамбля и берет их только как рядоположенные, диалектический детерминизм вскрывает между ними различные по своему рангу и значению отношения, которые и определяют необходимость для членов ансамбля выполнять неодинаковые роли и функции. Организованность систем есть выражение способности материи порождать бесконечное разнообразие отношений и связей между предметами и играет не менее важную роль в их детерминации, чем способность материи к постоянному изменению. Организованность есть по сути дела внутренняя сторона изменчивости, ее необходимый момент. Организованность — внутренняя основа и источник активности систем. Именно благодаря организации внешняя активность, т. е. энергия, введенная в данную систему из среды, становится внутренней для нее активностью. Организуясь, система приобретает новые свойства и новые формы активности, в частности спонтанную активность. Так, например, под влиянием фотоэффекта электрон углерода переходит на орбиту более высокого энергетического уровня и начинается фотосинтез, или спонтанная активность микрочастиц. Понятие

[1] В. И. Кремянский. Структурные уровни живой материи. М., 1969, стр. 275.

активности нельзя смешивать с понятием реактивности. Последняя ограничивается рамками самого взаимодействия, тогда как индуцированная активность может продолжаться и за пределами этого взаимодействия [1].

По мере усложнения организации материальных образований уменьшалась их зависимость от внешних условий и возрастала самостоятельность и все больше на первое место выступало самодвижение, самодетерминация. Живые организмы в огромной степени обладают спонтанной активностью. Живой организм — не простой агрегат атомов, молекул, клеток, а целостная, организованная система. Жизнедеятельность организма не сводится к сумме элементарных физико-химических взаимодействий, а представляет собой упорядоченный в пространстве и времени процесс, способный поддерживать самостоятельное существование благодаря приспособительным взаимодействиям со средой. Живые организмы приобрели автономию в результате длительной эволюции и выработали особые регулирующие механизмы, способные поддерживать постоянство их внутренней среды.

Организация любого множества элементов означает их интеграцию в определенную систему, т. е. системность, качественную определенность их внутренних отношений, а тем самым и отношений с внешними условиями. Система — это «упорядоченное определенным образом множество элементов, взаимосвязанных между собой и образующих некоторое целостное единство»[2]. Система — это любая совокупность элементов или объектов, между которыми сложились некоторые упорядоченные отношения, представляющие относительно замкнутое целое. Системы резко различаются между собой по характеру и богатству внутренних отношений. В сложных самоорганизующихся и саморазвивающихся органических и социальных образованиях возникают особые организующие центры, деятельность которых основана на способности этих образований получать, «запоминать» и перерабатывать информацию и использовать ее для направленного воздействия на факторы внешней среды и на внутренние взаимоотношения элементов для

[1] См.: В. И. Кремянский. К анализу понятия активности материальных систем. «Вопросы философии», 1969, № 10, стр. 57.

[2] В. И. Садовский. Методологические проблемы исследования объектов. В сб. «Социология в СССР», т. I. М., 1967, стр. 172.

обеспечения устойчивости системы. В настоящее время возникла и развилась особая наука — кибернетика, которая занимается изучением законов управления в самоорганизующихся системах. Успехи в конструировании «думающих» машин стали возможны именно потому, что управляющие, регулирующие и организующие связи были найдены и тщательно изучены в самой природе и в развитии общества.

Наиболее глубокую сущность этих связей раскрывает диалектика целого и части. Из самой природы целого, из особенностей его становления вытекает подчиненность частей целому. «Часть должна сообразоваться с целым, а не наоборот»[1],— писал В. И. Ленин.

Целое — это устойчивый формообразующий фактор; оно активно воздействует на свои части, преобразует их в соответствии со своей природой, интегрирует их и наделяет их новыми свойствами. Части подчинены целому, функционируют и развиваются в рамках целого, сообразуясь с ним в своих функциях, входят в него структурно. С другой стороны, целое существует лишь в своих частях, которые обладают относительной самостоятельностью. Целое существует именно благодаря расчлененности частей, благодаря тому, что каждая часть обладает «индивидуальной жизнью», благодаря тому, что происходит постоянное обновление частей или элементов целого. В свою очередь части остаются самими собой только в рамках целого.

С образованием целого система и ее компоненты приобретают новые свойства и между ними складываются качественно новые отношения и связи. Целое может реально существовать и функционировать только тогда, когда функции его частей взаимно согласованы и соподчинены. Жизнеспособность целого определяется соответствием между действием организующего начала и самодвижением образующих его частей.

Целостная система есть такая совокупность элементов, которая подчиняется более или менее устойчивым и единым законам, такое множество объектов, между которыми существуют внутренние связи, более устойчивые, прочные и необходимые, чем связи этих объектов с внешней средой. Не отдельные части, а система как целое взаимодействует с внешней средой и перерабаты-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 362.

вает ее воздействия, хотя существенные изменения под влиянием этого воздействия могут коснуться и одной отдельной части. Целостность предполагает не только устойчивую выделенность частей ансамбля и разделение функций между ними, но и достаточно жесткую дифференциацию их взаимных связей и отношений по рангу и степени устойчивости и значению в жизнедеятельности целого.

Части связаны не только между собой, но и с целым, т. е. с множеством взаимодействий внутри системы, обладающей единым центром управления, основной функцией которого является поддержание устойчивости системы, т. е. противодействие тому, что угрожает существованию системы, в том числе и тем действиям системы, которые выводят ее за установленные пределы. Представляя потребности целого, центр управления черпает свои регулирующие возможности в функциях частей. У высокоорганизованных систем управленческие и организаторские функции приобрели важнейшее и даже решающее значение в детерминации внутренних условий и в приспособительных взаимодействиях с внешней средой.

Таким образом, целое есть одновременно и следствие и причина своих частей. В этом состоит сложность детерминизма целостных систем. Целое определяет части и управляет ими. Значит от целого исходит устойчивое и достаточно гибкое регулирующее детерминирование частей. В то же время целостная система предполагает саморегуляцию частей, являющихся органами целого и обладающих относительной самостоятельностью в своих функциях.

Целостность предполагает упорядоченность, т. е. структурность связей компонентов системы, подчиненность их поведения определенным законам.

Под структурой обычно понимается внутренняя закономерная связь элементов целого, способ взаимодействия компонентов системы. Понятие структуры у́же, чем понятие организации, т. е. отражает только наиболее устойчивое, сохраняющееся, относительно неизменное в организации системы или объекта.

Структурные связи детерминированы более жестко, чем другие взаимоотношения между элементами внутри данной системы, ибо это главные, определяющие свя-

зи, основа, скелет системы, т. е. то, что существенно в ней.

Определяющая роль структурных связей объясняется тем, что они представляют собой потребности развития и функционирования целого, которое управляет жизнедеятельностью отдельных компонентов системы. Очевидно, что удельный вес случайностей в поведении отдельных компонентов системы выше, чем в жизнедеятельности системы. Например, причины и законы, управляющие развитием общества в целом, прочней и устойчивее, чем факторы, определяющие жизнь отдельных индивидов. Отдельный компонент никогда не может навязать системе законы своего поведения. Однако поведение компонентов отнюдь не безразлично для бытия системы и ее структурных связей.

Говоря о том, что структура есть сохраняющееся, инвариантное в организации системы, не следует забывать о том, что устойчивость структуры относительна. Структуры — не статические инварианты, и они, разумеется, не вечны, как и все в мире. Структурные изменения могут происходить и в рамках данной системы, не затрагивая ее целостности, а могут и выходить за рамки системы и приводить к коренным качественным изменениям системы. Структура — это прежде всего координация и субординация функций компонентов системы. Значит с изменением частей и их функций меняется целое и его структура. Например, изменения в соотношении классовых сил ведут к революционной смене экономических структур.

Развитие системы осуществляется в процессе ее функционирования, а функционирование есть вместе с тем движение и развитие и, значит, подготовление условий перехода в качественно новое состояние. Так что законы развития систем хотя и не совпадают с законами их функционирования, но и не отделены от них непроходимой пропастью. Например, экономические законы функционирования капиталистической формации (законы производства прибавочной стоимости, накопления и концентрации капитала и др.) создают необходимые предпосылки для революционной замены капитализма социализмом.

Экономические структуры, материальные отношения людей в обществе суть лишь необходимые формы, в которых осуществляется их материальная и индивидуаль-

ная деятельность, писал К. Маркс. Отсюда следует, что в развитии общества смена социальных структур никогда не происходит автоматически, а лишь через практическую, революционную деятельность людей. «Для того чтобы не лишиться достигнутого результата, для того чтобы не потерять плодов цивилизации, люди вынуждены изменять все унаследованные общественные формы в тот момент, когда способ их сношений (commerce) более уже не соответствует приобретенным производительным силам»[1]. Исторический детерминизм Маркса не только не отрицает роли общественной и индивидуальной деятельности людей в историческом процессе, а, наоборот, всесторонне обосновывает ее необходимость для утверждения более совершенных социальных форм.

Например, марксизм объясняет развитие и смену экономических отношений не только и не столько внешними для них причинами и факторами. Структуры функционируют и развиваются в силу внутренних противоречий и имеют внутренние источники разрешения противоречий. Примером этого может служить роль классовой борьбы как движущей силы исторического развития антагонистических формаций.

Структурно-функциональный аспект любой материальной системы неотделим от генетического. Экономические структуры в конечном счете всегда определяются производительными силами общества и не перестают зависеть от них. Вместе с тем вследствие многозначности отношений между компонентами целостной системы генетические связи не могут здесь иметь однозначного и однолинейного характера.

Дело все в том, что с возникновением целостной системы с устойчивой внутренней структурой имманентные ей факторы развития становятся способными к самовоспроизведению в главных, существенных чертах за счет переработки вещества, энергии и информации, получаемых из внешней среды. Движущие силы репродуцируются и функционируют здесь стабильно при достаточно широком диапазоне изменения внешних условий.

Что вкладывается в понятие функции и функционирования как своеобразных форм детерминизма?

Всякое функциональное отношение выражает необходимую взаимную связь элементов, когда изменение

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 24.

одних элементов сопровождается вполне определенным изменением других. Такова, например, зависимость одних переменных от других в математике.

В биологии и в общественных науках понятие функции употребляется в другом значении. Функция — это специфический способ проявления свойств того или иного объекта в его взаимодействии с окружающими предметами. Например, проявление жизнедеятельности тканей, органов или целого организма: пищеварение есть функция желудка, мышление — функция мозга. Функция неотделима от объекта. Нет функции без объекта, и объект, не исполняющий своей функции, уже не есть данный объект. Однако объект не может проявить присущей ему функции вне связи с другими объектами. Так, глаз не может видеть в темноте, т. е. при отсутствии световых лучей. Для выполнения мозгом функции мышления необходимо поступление в мозг информации из внешнего мира.

Значит функционирование в данном случае есть выражение устойчивой реакции объекта на внешнее воздействие, определяемой внутренней природой объекта. Оно доказывает тесную, неразрывную связь внутренней и внешней детерминации явлений.

Внешняя и внутренняя детерминации не только взаимно связаны, но и взаимно переходят друг в друга. Это отражает понятие функции, употребляемое также для обозначения той роли, которую выполняет данный объект или элемент в составе целого. Функция каждого компонента определена его местом и его отношением к другим компонентам и к структуре целого.

Детерминизм направленных процессов. Каждый объект в составе целого занимает определенное место и выполняет ту или иную функцию. В данном случае понятие функции равнозначно понятию направленного действия, которое способствует интеграции или, наоборот, дезинтеграции системы, т. е. ее сохранению или разрушению и переходу в другое качество. Особенность действия части в составе целого заключается в том, что оно детерминировано не только природой самой части, но и целым. Благодаря этому функциональная зависимость приобретает видимость телеологической, т. е. целенаправленной, зависимости. Целое как бы ставит цели, а части служат средством достижения этих целей. И. Кант, например, считал, что без понятия цели нельзя

объяснить никакое организованное целое. Организованное существо есть такое существо, в котором все взаимно цель и средство, полагал Кант.

Видимость целенаправленности функциональных отношений в органических системах объясняется также тем, что причинная основа этих отношений скрыта. Здесь всякое полагаемое есть в то же время предпосылка, указывает К. Маркс. Целое — не только причина своих частей, но одновременно и их следствие. А части не только полагают целое как свое следствие, но и предполагают его в качестве своей собственной причины, которая и принимает видимость цели. «Цель — это некоторое конечное состояние системы, которое предетерминировано ее структурной организацией»,— правильно отмечает Рапопорт [1].

Функции частей обусловлены структурой целого. Если меняется положение частей в системе, то неизбежно изменяются и их функции.

Способность функционировать присуща и самой структуре. Через осуществление своих функций структура становится источником движения и развития системы. Структура может выполнять двоякую роль: с одной стороны, она активно воздействует на части системы, согласует и соподчиняет их функции, а с другой стороны, она вызывает появление новых системных качеств и свойств у компонентов системы, порождает новые факторы развития и становится источником новых функций.

Точно установлено, что внутренняя структура определяет характер взаимодействия объектов со средой. Так, химия говорит, что способность атомов вступать в химические соединения с другими атомами обусловлена их строением, наличием электронов на внешних оболочках атомов. Марксистская социология показывает, что отношения людей к природе, развитие производительных сил имеют место лишь в рамках общественных связей и отношений. Характер взаимодействия объекта со средой является функцией его структуры, благодаря которой организованный объект способен усваивать и преобразовывать поступающие из среды вещества, энергию и информацию.

Существуют различные уровни структурности, т. е.

---

[1] «Исследования по общей теории систем». М., «Прогресс», 1969, стр. 98.

упорядоченности, материи, обладающие различными механизмами переработки информации и управления.

Диалектика структурных уровней состоит в том, что низший уровень организации материи, включаясь в высший, зависит от него и подчиняется ему. Вступает в силу структурная детерминация низшего высшим. Так, молекулы вещества, входящие в состав живых органических клеток, подчинены в своих связях интегральным свойствам и функциям целого. Химия живого существа включена в физиологию и подчинена ей. Сфера действия химии ограничена и в то же время поднята здесь на более высокую ступень.

Низшая форма движения и организация материи не уничтожается, не исчезает, а сохраняется внутри высшей формы, но при этом она подчиняется высшей форме и теряет свою самостоятельность, т. е. входит в высшую форму как входит в структурном отношении часть в целое [1]. Высшее не исчерпывается низшим, не сводится к нему ни в генетическом, ни в структурном отношении. Между последовательными структурными уровнями складываются отношения диалектического отрицания, снятия низшего высшим. Но это — творческое, созидающее отрицание. С повышением уровня организованности материальных объектов возрастает негэнтропия данной системы, расширяется база для ее активности, т. е. увеличивается количество энергии, которая может быть эффективно использована для направленного воздействия на среду.

С повышением уровня организации объектов возрастает значение и вес отношений самодетерминации в противоречивых отношениях со средой. Возрастание автономии организма означает усложнение или возникновение новых функций и регулирующих приспособлений, которые свидетельствуют о возросшей адаптации его к среде, об умножении связей со средой, об умножении способностей организма использовать среду для самосохранения и развития. Связи со средой становятся все более избирательными и многозначными. Из непосредственных они становятся косвенными. Для высших животных неорганические факторы среды выступают уже не в роли причин, а лишь в роли условий. Но если эти

[1] См.: Б. М. Кедров. О соотношении форм движения материи. В сб.: «Философские проблемы современного естествознания». Изд-во АН СССР, 1959, стр. 145.

условия не соблюдаются, то развитие организма нарушается, и он гибнет, отмечает И. И. Шмальгаузен[1].

Философы-марксисты доказали, что возрастание организованности живых систем объясняется не каким-то мифическим фактором целостности и не целевой детерминацией, а находит свое основание и объяснение в присущем материи общем свойстве отражения, благодаря которому внешние условия и информация о них как бы откладываются и сохраняются во внутренней природе явлений[2]. В результате возникает устойчивая основа для самодвижения системы, вступает в действие имманентная причинность. Самодвижение систем говорит о том, что причинение происходит не только извне, но и изнутри явлений, т. е. что имеет место внутренняя причинность, которая придает направленность движению системы.

Благодаря этому и возникает видимость целенаправленности в эволюции живых существ. Организмы не могут сохраняться и развиваться, не осуществляя постоянного обмена веществ со средой, т. е. не ассимилируя из внешних факторов тех веществ, которые соответствуют природе организма. Организмы вынуждены устанавливать избирательные отношения к элементам внешней среды, следствием чего является устойчивость живых систем. Вот это следствие и предстает как цель, которая систематически реализуется жизнедеятельностью организма.

Такие отношения можно рассматривать как проявление целесообразности в эволюции живых существ. Однако по существу дела здесь нигде нет сознательно поставленной цели. В природе «нигде нет сознательной, желаемой цели: ни в бесчисленных кажущихся случайностях, видимых на поверхности, ни в окончательных результатах, подтверждающих наличие закономерности внутри этих случайностей»,— писал Ф. Энгельс[3].

Так называемая «целесообразность» в явлениях живой природы находит свое объяснение в предетерминации их состояний внутренними структурами.

При всякой детерминации происходит передача информации о структуре детерминирующих факторов, ко-

[1] См.: «Вопросы философии», 1969, № 1, стр. 126—128.

[2] См.: С. Л. Рубинштейн. Бытие и сознание. М., 1957, стр. 11.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 305—306.

торая играет огромную роль в развитии организмов при формировании новой структуры. Современная биология установила, что в ядре клетки «записана» история вида, и эта информация определяет специфику жизненных процессов данной клетки и организма. «Развитие особи (ее фенотипа) при данных внешних условиях полностью определяется полученным ею наследственным материалом (ее генотипом). При развитии различных особей в одинаковых условиях их индивидуальные различия определяются только различиями в строении их наследственного кода» [1].

Благодаря структурности живых организмов внутренняя причинность начинает преобладать над внешней причинностью, а реакции организма на изменяющиеся факторы внешней среды приобретают направленный характер целесообразных реакций. Однако целесообразность, а лучше сказать — рациональность, в действиях и поведении растений и даже животных никогда не является выражением сознательного использования познанных законов природы. Здесь нигде нет сознательно поставленных целей, и так называемая «рациональность» во взаимоотношениях живых существ с природой не является доказательством присутствия разума, а есть выражение приспособленности к условиям существования, которую организмы приобрели в ходе длительной эволюции. Сама приспособляемость организмов к условиям существования стала возможна только благодаря развившейся способности к приобретению, накоплению и использованию информации. И только с возникновением социальной формы движения материи возникает подлинно рациональное и целесообразное поведение индивида, основанное на познании человеком внешнего мира и самого себя.

Проявление способности живых организмов приспосабливаться к условиям среды в «целях» самосохранения идеалисты истолковывают как выражение финальности и «общей целенаправленности к богу». Однако при этом замалчивается тот факт, что сохранение и приспособляемость существуют рядом и во взаимодействии с неустойчивостью и неприспособленностью, так что все эти свойства, прежде чем стать конечной причиной или

[1] И. И. Шмальгаузен. Основы эволюционного процесса в свете кибернетики. «Проблемы кибернетики», вып. 4, 1960, стр. 135.

целью, являются следствием сложных взаимоотношений со средой.

Идеалисты считают, далее, что соответствие функций частей потребностям целого есть явное доказательство телеологии. На самом же деле отношения частей к целому в организме весьма противоречивы и многообразны. Функционирование частей может приносить целому организму как пользу, так и вред. Все жизненные проявления в одном отношении способствуют сохранению индивида, а в другом отношении одновременно наносят ему вред. В жизнедеятельности органов отнюдь нет никакой мистической предустановленности. Структура организма также не всегда служит сохранению индивида.

Финалисты приписывают природе целевые причины по аналогии с целями, которые ставит перед собой человек. Но человеческие цели тоже отнюдь не аристотелевские целевые причины, которые якобы существуют вне и помимо действующих причин и предшествуют им. Все цели человека порождены объективными отношениями и реализуются только в том случае, когда они соответствуют объективным условиям и закономерностям развития действительности и реализуются при этом не помимо практической, т. е. причиняющей объективные изменения, деятельности людей, а именно в ходе человеческой практики. Человеческие цели в конечном счете оказываются выражением объективной необходимости, формой реализации социальной причинности.

Главная особенность социального детерминизма в том, что все общественные связи и отношения складываются в процессе жизнедеятельности людей, наделенных сознанием и волей, преследующих заранее поставленные цели.

Некоторые философы находят, что участие сознания и воли человека в социальных процессах заставляет нас признать наличие особой целевой детерминации явлений общественной жизни, которая дополняет или даже заменяет собой причинную детерминацию. Но это означает отход от материалистического монизма в понимании истории общества, превращение сознания или целеполагания человека в равное бытию или даже первичное по отношению к бытию начало общественной жизни.

Материалистическое понимание истории является единственно научным потому, что оно доказало зависи-

мость сознания и целей человека от материальной жизни общества, от общественного бытия, и вторичность, производность общественного сознания от этого бытия. Человеку кажется, что цели его не из мира взяты и от мира независимы, а на деле они порождены объективным миром и предполагают его. В. И. Ленин отмечает, что целеполагающая деятельность человека есть лишь особая форма объективного процесса. История так же, как и природа, не начинается с сознательной цели, не ставит перед собой никакой цели. История общества — это объективный процесс, совершаемый людьми в ходе их сознательных и целенаправленных действий, но никогда не сводимый к тому, чего они добиваются и достигают, что они непосредственно знают и хотят. Отсюда следует, что и люди не могут поставить перед историей какую-либо сознательную цель. Те цели, которые люди преследуют в своей практической деятельности, не определяют и не могут определять хода истории, но сами определены им.

Детерминизм общественного развития нельзя уяснить исходя из побудительных мотивов поведения отдельных личностей. Общество не совпадает с простой суммой индивидов, а причины и законы его развития не являются умноженными причинами и законами развития индивидов. Общество представляет собой сложную целостную систему. Через взаимные общественные отношения индивиды входят в общественный организм, потребности которого своеобразно отражаются и удовлетворяются в деятельности индивидов и снова закономерно воспроизводятся ею.

Взаимное общение индивидов есть объективная необходимость, но содержание этой необходимости определяется не желаниями и целями индивидов, а потребностями развития производства. Во взаимное общение друг с другом люди вступают не как абстрактные «человеческие реальности», способные произвольно избирать себе «сущность», а как индивиды, уже находящиеся на определенной ступени развития производства. Поэтому они вступают не в произвольно избираемые, а в объективно обусловленные общественные отношения и не могут избежать социальных влияний, системы обязанностей, норм поведения, ответственности и пр.

Итак, история не может иметь объективной цели развития, а субъективные цели индивидов всегда вторичны, производны от бытия.

Целесообразность как способность человека добиваться осуществления сознательно поставленных целей некоторыми философами абсолютизируется, отрывается от ее причинно-следственной основы и превращается в особый «телеологический» вид детерминизма, который, по мнению этих философов, должен если не заменить, то обогатить причинное объяснение явлений. Часто в подтверждение этого вывода ссылаются на современный уровень системно-структурных представлений, которые якобы вскрывают ограниченность «традиционного» детерминизма, т. е. причинного объяснения явлений, и возвращают нас к аристотелевской causa finalis, хотя известно, что научное мышление давно преодолело это представление и понятие целевого детерминизма абсолютно чуждо марксизму-ленинизму.

К сожалению, элементы телеологического детерминизма присущи еще и некоторым советским историкам. Так, А. С. Арсеньев утверждает, что существуют два способа детерминации: детерминация причинная — прошлое определяет настоящее и детерминация целевая — будущее определяет настоящее. Второй способ детерминации характерен якобы для целостных систем, где части детерминируются целым и где отношения между целым и частью носят поэтому не причинный, а целевой характер.

Говорят, что марксистскому пониманию истории не чуждо понятие цели как движущего фактора развития. Ведь понятие цели включается даже в определение основного экономического закона движения общественно-экономических формаций. Известен, например, вывод К. Маркса о том, что при капитализме производство существует ради производства, что целью капиталистического производства является получение прибавочной стоимости. В противоположность этому в социалистическом обществе производство существует ради человека и его целью является наиболее полное удовлетворение растущих потребностей человека.

Каково же объективное содержание понятия цели в данном случае? Очевидно, что цель производства — это не causa finalis Аристотеля, не план, привнесенный в материальное производство извне, от бога или из сознания человека. Цель производства — это его своеобразная функция при данных производственных отношениях, выражение его зависимости от потребностей общества на данном этапе его развития, т. е. от общественных по-

требностей, которые хотя и порождены производством, но сами становятся направляющим фактором его развития. Так что историю общества можно представить как историю порождения потребностей материальным трудом. Таким образом, история общества, как и история природы, не дает никакого основания для вывода о существовании особого целевого детерминизма.

Итак, детерминизм есть объективная взаимозависимость и взаимодействие явлений, обладающих самодвижением, в силу чего детерминизм — это не только детерминация одного явления другим, но и самодетерминация явлений. Способность тел к самодвижению и самодетерминации является необходимым условием системности, организованности и направленности в универсальном взаимодействии.

Мы рассмотрели некоторые существенные моменты марксистко-ленинского понимания детерминизма как учения об универсальной взаимозависимости и обусловленности явлений действительности. Мы видели, что детерминизм носит всеобщий и объективный характер, что природа и человеческая история не знают разрывов или брешей в объективном детерминизме, что свидетельствует о несостоятельности идеалистических концепций мира, отрицающих объективность детерминизма или усматривающих в нем проявление вымышленных сверхъестественных сил. В работе критикуется механистическая концепция детерминизма с ее окостенелыми категориями однозначной причинной обусловленности и абсолютной необходимости явлений, чуждая диалектики изменчивости и устойчивости, иррегулярности и регулярности, определенности и неопределенности.

Марксистское понимание детерминизма — не догма. Его особенность в том, что оно постоянно развивается и обогащается на основе обобщения достижений конкретных наук и общественно-исторической практики. Современная наука с особой силой подтверждает ту истину, что многообразие форм универсальной взаимозависимости явлений возможно отразить только в системе гибких, подвижных категорий, т. е. в системе категорий диалектического материализма. Марксистская диалектика берет многообразные формы связи и зависимости явлений, как и сами явления, в движении и развитии, во взаимном проникновении и даже отрицании друг друга, в переходах и превращениях одних в другие. Она настаивает на отсутствии резких разграничительных линий между причиной и следствием, между необходимостью и случайностью, раскрывает связь между возможностью, действительностью и вероятностью, подчеркивает роль условий в детерминации явлений, обосновывает относительность всякой сущности и всякого закона и абсолютность всеобщей закономерной связи явлений.

Формы проявления объективного детерминизма многообразны и являются предметом исследования как конкретных наук, так и философии. Советские философы и философы-марксисты других стран в последнее время уделяют большое внимание этой проблеме и обогащают марксистско-ленинское учение о детерминизме, подтверждая его незыблемость и всеобщую значимость как неотъемлемого звена в системе категорий диалектического и исторического материализма.

Марксистско-ленинское понимание детерминизма с честью выдержало проверку современной наукой и практикой и надежно служит дальнейшему развитию познания и преобразованию мира.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3
ГЛАВА I. Причинность как частичка, элементарная ячейка детерминизма . . . 6
ГЛАВА II. Необходимость и случайность как объективные способы детерминации явлений 41
ГЛАВА III. Закон как форма детерминации явлений 61
ГЛАВА IV. Системный характер детерминизма в природе и обществе 91
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 110

Леонид Антипович Куликов

ПОНЯТИЕ ДЕТЕРМИНИЗМА
В МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Редактор И. И. Головин
Художник А. Е. Коленков
Художественный редактор С. Г. Абелин
Технический редактор А. К. Нестерова
Корректор Т. И. Щеглова

А-02839 Сдано в набор 21/XI—72 г. Подп. к печати 12/III—73 г.
Формат 84×108¹/₃₂ Объем 3,5 печ. л Усл. п. л 5,88
Уч.-изд. л. 6,07 Изд. № Общ—556 Тираж 12 000 экз. Цена 14 коп.
Зак. № 1830
План выпуска литературы для вузов и техникумов издательства «Высшая школа» на 1973 г. Позиция 15
Москва, К-51, Неглинная ул., д. 29/14,
Издательство «Высшая школа»

Московская типография № 32 «Союзполиграфпрома»
при Государственном комитете Совета Министров СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Москва, К-51, Цветной бульвар, 26.

14 коп.

ВЫСШАЯ ШКОЛА 1973